

НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР
ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

РУССКИЕ ОСТРОГИ XVIII ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

*Учебное пособие
для общеобразовательных учреждений
и краеведческих коллективов учреждений дополнительного образования детей*

Курс истории Сибири

Составители:

А. П. Бородовский

Е. Л. Бородовская

Новосибирск
2003

УДК
ББК 63.4(2)
Р

*300-летию утверждения Российской государственности
на Новосибирской земле посвящается*

Р **Русские остроги XVIII века на территории Новосибирской области** / Сост. *А.П. Бородовский, Е.Л. Бородовская* — Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия, 2003. — с.
ISBN 5-900011-

В учебном пособии обобщены сведения о русских острогах XVIII века на территории Новосибирской области. В книге представлены история, причины возникновения, технология строительства, устройство и назначение острогов. Публикация дополняет серию учебников курса “История Сибири”.

Обширный иллюстративный материал издания позволяет получить наглядные представления об устройстве русских острогов XVIII столетия.

Учебное пособие предназначено для общеобразовательных учреждений и краеведческих коллективов учреждений дополнительного образования детей. Издание будет интересно краоведам, учителям, студентам исторических факультетов и всем, кто интересуется историей нашей области.

ББК 63.4(2)

На обложке фотография башен Казымского (Юильского) острога XVIII века (Нижнее Приобье), из экспозиции Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск. Эти оборонительные сооружения являются прототипом архитектуры острогов Новосибирской области.

© Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., сост., 2003

© Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, 2003

ISBN 5-900011-

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
I. Что такое острог?	5
II. Причины появления острогов в Новосибирском Приобье в XVIII веке	6
Военно-политическая ситуация	7
Потребность России в рудно-минеральных ресурсах	7
Земледельческое освоение края	8
Промысловое значение северных территорий Верхнего Приобья	8
III. Описания острогов Новосибирского Приобья	9
Умревинский острог	9
Чаусский острог	11
Бердский острог	12
IV. Сооружение русских острогов	12
Правила поиска мест для строительства	12
Порядок возведения острогов	13
Ремонт сооружений острога	23
V. Занятия жителей острогов	24
Состав гарнизона	24
Арсенал острогов	24
Караульная служба	26
Транспортное значение острогов	27
Рыболовство	28
Сельскохозяйственные занятия	29
Бугровщичество	29
Миграционная активность первых поселенцев острогов	31
VI. Остроги – первые центры православия в Новосибирском Приобье	31
Разновидности деревянных храмов	32
Приход церквей острогов	32
Кладбища на территории острогов	33
VII. Последние дни острогов Приобья	33
Причины разрушения острогов	33
Влияние экологии на остроги Новосибирского Приобья	34
Влияние административных реформ и Московского тракта на судьбу острогов	34
Поиск места расположения Умревинского острога	35
Заключение	35
Словарь терминов	37
Список рекомендуемой литературы	39
Список использованной литературы	39

ПРЕДИСЛОВИЕ

Умревинский острог является первым оборонительным укреплением, сооруженным русскими первопроходцами в самом начале XVIII века при заселении территорий Новосибирского Приобья. Строительство острога способствовало прочному вхождению правобережья р. Оби в состав Российского государства. Фактически, это был первый русский административный пункт на территории современной Новосибирской области. Другие остроги — Чаусский, Бердский — появились значительно позже.

К середине XVIII века Умревинский острог, оказавшись в стороне от магистральных путей освоения Верхнеобского региона, потерял свое значение и перестал существовать как населенный пункт.

В настоящее время это единственный незастроенный русский острог в Новосибирском Приобье, что открывает уникальные возможности для археологических исследований.

Археологические раскопки в 2000, 2002 годах позволили выявить хорошо сохранившиеся фортификационные сооружения — ров и угол тыновой ограды, а также захоронение внутри острога. Проведение в будущем более широкомасштабных исследовательских работ по изучению всей территории Умревинского острога, его церкви и погоста позволит получить научно обоснованные данные для его реконструкции и музеефикации.

На территории воссозданного Умревинского острога в дальнейшем планируется организовать туристический, этнографический и музейно-научный комплекс по пропаганде и изучению культуры русского населения Новосибирской области.

Положительный опыт воссоздания бывших поселений различных эпох, в том числе и острогов, имеет место в ряде зарубежных стран, например поселение русских первопроходцев — «Форт Росс» — в Калифорнии (США). Там детально восстановлены не только жилые и хозяйственные постройки, оборонительные сооружения (ров, вал, часток, оборонительные башни и стены), но и производственные процессы, условия жизни и быта людей.

Уникальная возможность увидеть «живую историю», своими руками разжечь огонь в жилище, примерить доспехи и шлем воина, пострелять из лука или фитильного ружья, медной пушки и т.д. погружает посетителей, независимо от возраста и социального положения, в романтический и увлекательный мир, далёкий от привычной повседневной жизни и современной обстановки.

Надеемся, что празднование 300-летнего юбилея со дня основания острога положит начало воссоздания Умревинского острога и организации историко-культурного центра «Умревинский острог», который будет являться одной из наиболее удачных форм сохранения и популяризации нашего культурного наследия и организации массового туризма.

*Г.П. Блукке,
начальник Научно-производственного центра
по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области*

Введение

Освоение Сибири и вхождение в состав России было бы невозможно без возведения острогов – первых пунктов государственности. Остроги защищали новые границы, обеспечивали безопасность транспортного сообщения, хозяйственной и культурной деятельности русского населения. Прозорливые предки выбирали для возведения острогов наиболее удобные и перспективные территории. Многие из оборонительных сооружений со временем стали крупными сибирскими городами. Для переселенцев остроги постепенно превращали необжитый край в малую родину, где формировались наши корни. Эти укрепления, возведенные по берегам рек, составляли одну из основ «прирастания российского могущества Сибирью».

История сибирских острогов является неотъемлемой частью процесса формирования Российского государства. Изучение истории острогов на территории современной Новосибирской области началось почти триста лет назад. В XVIII веке одним из первых исследователей острогов был российский историк Г.Ф. Миллер. К истории острогов в Сибири существенный интерес проявил в первой половине XIX века известный историк П.А. Словцов. В конце XIX века И.П. Кузнецовым–Красноярским был опубликован список приказчиков сибирских острогов. На протяжении XX столетия проблемами изучения истории острогов, возникших на территории нашей области, занимался целый ряд историков: В.И. Шунков, В.И. Кочедамов, Н.Ф. Емельянов, Н.А. Миненко, Д.Я. Резун, С.Р. Долгова; краеведов: К.П. Зайцев, Е.Н. Сметанин и археологов: В.И. Молодин, А.В. Новиков, В.А. Сумин. На рубеже XX–XXI веков археологические исследования острогов проводят С.В. Колонцов, А.В. Шаповалов, А.П. Бородовский.

В 2003 г. исполняется ровно триста лет со времени основания Умревинского острога — первого пункта российской государственности на территории Новосибирской области. В один год с возникновением новой столицы – Санкт-Петербургом – на берегах р. Оби возводятся оборонительные укрепления, благодаря которым к концу XVIII столетия в состав России входят обширные территории от южных границ сибирской тайги и до алтайских гор.

1. Что такое острог?

Слово «острог» на протяжении ряда столетий имело несколько значений. В древней Руси острогом назывался постоянный или временный деревянный оборонительный пункт для размещения «воинских людей», обнесенный заостренной сверху деревянной оградой. Такие укрепления появились на Руси ещё до XII века. В отличие от городов остроги были первоначально населенными пунктами второстепенного значения. В настоящее время единственный город, сохранивший полное название, связанное со своим прошлым, известен на Украине — это г. Острожск. Он является районным центром Ровенской области. Начиная с XIV века, такие пограничные укрепления получили широкое распространение на окраинах Московского государства. Например, г. Острогжск — современный центр Острогжского района Воронежской области Российской Федерации — основан в 1652 г. как острог на Белгородской оборонительной черте.

На территории Сибири большая часть острогов возникает в конце XVI – начале XVIII века. Остроги как крепостные сооружения различались между собой по технике сооружения стен, наличию и количеству башен. Наиболее простой разновидностью острога была ограда из заостренных бревен – «тына», ограждавшая определенную замкнутую территорию. Тыновая стена могла быть «стоячий» (прямой) или «косой» (наклонной вовнутрь). Деревянные укрепления острогов могли дополняться земляным валом и рвом. Первоначальный смысл слова «острог» сводился к особенностям конструкции оборонительных стен. Неслучайно в Сибири до начала XVIII столетия острогом называлась стена из заостренных тыновин (кольев) между башнями.

Позднее на русском севере острогом назывался укрепленный населенный пункт. Во второй половине XVIII века многие остроги в России и Сибири становятся тюрьмами, и смысл этого слова существенным образом меняется. Арестанты этого времени даже назвались острожниками. В XIX веке острог окончательно становится синонимом тюрьмы, окруженной стеной.

В наше время, спустя несколько столетий после возведения, остроги привлекают внимание историков и археологов. Являясь центрами развития русской материальной и духовной культуры в Сибири, они стали важными историческими и археологическими источниками, отражающими процесс формирования российской государственности.

II. Причины появления острогов в Новосибирском Приобье в XVIII веке

Первые попытки возведения русских острогов на территории Новосибирской области относятся к началу XVII века. В этот период был поставлен Убинский острожек. Во время восстания барабинцев в 1628 г. он был сожжен. Новые оборонительные сооружения русских на территории Барабинской лесостепи появились лишь через сто лет.

На левобережье р. Оби русские длительное время использовали укрепления своих давних союзников – чатских татар. В 1616–1617 гг. Чатский городок, осажденный предводителем телеутов Абаком и тайшой Пегимом, на протяжении трех недель удалось отстоять благодаря русской военной помощи. Чаты и русские ратники во главе с И. Хлопиным отбили два штурма городка и выдержали длительную его осаду. Спустя несколько лет, в феврале 1624 г., для обороны Чатского городка был послан Семен Щепеткин с отрядом томских служилых людей. Для отражения нападения были усилены укрепления городка и выкопаны рвы. В конце сентября – начале ноября 1629 г. мятежный чатский мурза Тарлав с телеутским «царевичем» Аблайгиримом вновь осадил Чатский городок. Чатские татары вместе с 20 русскими ратниками сумели отразить первую осаду городка. Подкрепление, посланное вскоре из г. Томска, заставило неприятеля отвести войска.

Позже Аблайгирим повторно напал на Чатский городок, взял его, сжег и перебил всех местных жителей и русских служилых людей. Однако в декабре 1629 г. русский военный отряд из г. Томска разгромил воинство Аблайгирима на р. Шегарке. По свидетельству остяков (хантов), приведенному в «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера, на протяжении 20 верст от места боя, по дороге, где бежали в Барабинскую степь побежденные, можно было повсюду видеть явные свидетельства русской храбрости: большое количество убитых людей в панцирях, мертвые лошади, все имущество неприятеля было разбросано в беспорядке. Несмотря на военный успех, русское государство лишилось в этом районе Приобья надежного оборонительного пункта. В конечном итоге такой фактор на длительное время задержал освоение территорий Верхней Оби русским населением до рубежа XVII–XVIII столетий.

Военно-политическая ситуация

В начале XVIII столетия Российское государство решительно раздвигало свои границы не только в Прибалтике, но и на юге Западной Сибири. В 1703 г. недалеко от устья р. Умрева, правого притока р. Оби, был заложен первый государственный административный пункт на территории современной Новосибирской области — *Умревинский острог*. Российское государство, осваивая Верхнее Приобье, действовало так, словно разыгрывало сложную многоходовую шахматную партию, «переставляя» все новые и новые остроги как фигуры в сложной геополитической игре (см. карту расположения острогов).

В течение первого десятилетия XVIII в. шло целенаправленное размещение оборонительных сооружений на левом и правом берегах р. Оби, по направлению с севера на юг, как говорили в то время «по направлению к полуденной стороне» (южной стороне). Для строительства Умревинского острога сложились два благоприятных обстоятельства. Поражения, нанесенные кыргызам в 1701 г. Алексеем Кругликовым (на Божьем озере и у с. Пачинское на р. Томи) и Иваном Тихоновым Великосельским (в урочище Караказ), и увод кыргызов джунгарами в 1703 г. в глубинные районы своего ханства.

Спустя десять лет после сооружения Умревинского острога выше по течению на левом берегу реки, в 1713 г. был возведен еще один острог — *Чаусский*. Строительство началось в период обострения отношений с Джунгарией. Между 1710–1715 годами на другом берегу р. Оби появляется *Бердский острог*.

Возникновение первых острогов на территории современной Новосибирской области пришлось на переломный период в истории России. В стране происходили большие перемены. Через год после основания новой столицы — Санкт-Петербурга — в 1704 г. началась выплавка первого «домашнего серебра» в Забайкалье, что в дальнейшем послужило укреплению российской экономики и освободило её от зависимости иностранной валюты. В этот период прекращают свое существование многие древнерусские традиции. В Сибири окончательно прерываются летописи, на смену им приходят описания, составленные на европейский манер. Приграничные фортификационные сооружения называются уже не острогами, а пасами (Усть-Тартасский, Каинский, Убинский, Каргатский).

С 30-х годов XVIII века укрепления, составляющие ряд оборонительных пунктов Иртышской или Сибирской линии, протянувшейся с запада на восток из барабинской лесостепи в Приобье, именовались форпостами. Остроги, расположенные на территории современной Новосибирской области, являются одними из последних оборонительных сооружений в Сибири и России. Неслучайно их основатели А. Кругликов и Д. Лаврентьев имели титул детей боярских, соответствующий разряду мелких феодалов (служилых людей). Этот титул появился на Руси еще в XV в. и просуществовал до начала XVIII столетия в связи со слиянием служилых людей в один класс — дворянство.

Потребность России в рудно-минеральных ресурсах

Острая потребность России в рудно-минеральных ресурсах Саяно-Алтая требовала создания надежной системы государственных пунктов для дальнейшего освоения сибирской территории. Все европейские государства того времени вели поиски руд цветных и драгоценных металлов, как правило, за пределами своих земель. В 1676 г. издан специальный царский указ о поисках в стране и за ее пределами серебряной и медной руды.

Активные попытки поисков были предприняты и на территории Западной Сибири. В 1697 г. томский воевода В. Ржевский послал за образцами руд на р. Обь и её притоки сына боярского Алексея Кругликова с товарищами. На р. Ояш А. Кругликову удалось найти вы-

ход рудной жилы и собрать несколько мешков образцов. В г. Томске они были опломбированы городской печатью и отправлены в Москву на определение качества руды.

В конце XVII столетия экспертиза руды была хлопотным, длительным и дорогостоящим делом. Определение состава руды проводили только за рубежом: в Риге и в Амстердаме. Вряд ли стоит удивляться, что результаты определения образцов руды с р. Ояш остались неизвестными. Однако месторождение на р. Ояш было отмечено на чертеже уезда из собраний С.У. Ремезова. Для легенды карты того времени эта информация являлась особенно важной и своевременной. Необходимо сказать, что «Хорографическая чертежная книга» С.У. Ремезова была завершена к 1 сентября 1697 г., в год, когда на р. Ояше проводились изыскания серебра.

Факт направления А. Кругликова на поиски руды в эту местность неслучаен. Указанная территория была ему хорошо известна, поскольку еще в 1695 г. он на р. Иксе основал пашенную заимку. Она стала одной из первых русских деревень на территории Новосибирского Приобья — современная деревня Кругликово Болотнинского района Новосибирской области. Первоначально на заимке постоянно жили дворовые работники — калмыки. Этот факт подчеркивает существование населенного пункта на землях, еще прочно не входящих в состав Российского государства.

После поисков руды в 1697 году вблизи месторождения на р. Ояш А. Кругликов построил еще одну деревню-однорядку, обозначенную на ремезовских чертежах на правом берегу р. Бакан. Изыскательские работы способствовали возведению здесь Умревинского острога.

Земледельческое освоение края

Образование поселения и строительство укрепления на устье р. Умрева, при впадении её в Обь, связано с распространением на территории нынешней Новосибирской области русской земледельческой колонизации. Центром и источником первичного освоения земель стала территория, освоенная русским населением в XVII в. на Нижней Томи. В последней четверти столетия русская колонизация вышла на берега р. Оби. На левобережье в 1684 г. был построен Уртамский острог, ставший центром освоения междуречья Оби и Шегарки. В конце XVII в. направление переселений стало постепенно меняться на южное, охватывая треугольник, образуемый реками Обью, Томью и Иней.

В первом десятилетии XVIII в. размах переселений на р. Обь стал заметно нарастать. Одновременно появились первые однорядные деревни и заимки на средней Инее. Наметилось новое направление миграций: напрямик через Барабинскую степь с р. Иртыш на р. Обь.

Промысловое значение территорий Верхнего Приобья

В конце XVII — начале XVIII столетий северная часть территории Верхнего Приобья имела явно выраженный ресурсный характер, здесь можно было вести различные промыслы. Русские письменные и картографические источники этого периода отмечают на территории современного Новосибирского Приобья существование земель с особыми историческими названиями: *Телеутская межа* и *Таволган*. На рубеже XVII—XVIII веков межа с Телеутской землицей на русских чертежах была перенесена к югу с р. Иня на р. Бердь. Это междуречье было включено в состав Томского уезда, что было обусловлено интенсивным хозяйственным освоением земель русским населением.

В начале XVIII в. Таволган оставался территорией для сезонных «отхожих» промыслов русского и аборигенного населения Новосибирского Приобья. По описанию томского воеводы Григория Петрово-Соколова от 1708 г. русские и чатские татары,

«белые и выезджие» калмыки в летнее и осеннее время занимались разнообразной промысловой деятельностью в урочищах Таволганских лесов по рекам Иня и Бердь. В это время здесь собиралось до 500 и более человек, сооружались временные становища, занимались не только собирательством (хмель), охотой (звериный промысел), но и заготовкой сырья, производством продукции традиционных ремесленных занятий (изготовление лодок и жерновов).

Со временем, после ухода телеутов с основной территории Новосибирского Приобья, понятие «телеутская межа» несколько изменилось, но официально эта граница существовала до конца XVIII века. При описании Тобольского наместничества в 1779 и 1783 годах упоминается «колыванская граница», проходившая на участке водораздела рек Чик и Чаус у оз. Казыки. Территориально она близка ранее упоминавшейся «телеутской меже» на левобережье р. Оби. Любопытно, что до недавнего времени одно из озер на юго-западной кромке Кашламского бора (Колыванский район НСО), выше современного с. Амба, называлось Телеутским. Это название могло появиться не ранее начала XVII века, до того момента, когда межа с Телеутской землицей на русских картах была перенесена значительно южнее.

Таким образом, появление острогов на территории Верхнего Приобья было обусловлено комплексом причин военного, хозяйственного, транспортного и ресурсного характера. Активная народная «колонизация» новых территорий Сибири и их земельное освоение составляли хозяйственно-экономическую основу для возведения новых острогов. Фактическое расширение границ государства делало необходимым их юридическое закрепление, особенно в тех случаях, когда со стороны местного населения (телеуты, чаты, киргизы) или сопредельных государств (Джунгария) могла возникнуть угроза вооруженного нападения (рис. 1. – См. вклейку.).

III. Описания острогов Новосибирского Приобья

УМРЕВИНСКИЙ ОСТРОГ

Назначение

В 1702 г. отряд служилых людей под руководством томского сына боярского Алексея Кругликова, поднявшись вверх по р. Оби от Уртамского острога до р. Умрева, определил место для строительства нового острога. Через год, в 1703 г., Умревинский острог был поставлен несколько выше устья р. Умрева для охраны русских поселений на южной границе Томского уезда от набегов калмыков (рис. 2).

Умревинский острог был основан как административный центр освоения новой территории обского правобережья до устья р. Ини на юге. Новый острог предполагалось использовать и для усиления контроля над чатскими татарами, чьи "юрты" размещались в обширной пойме Оби как раз напротив впадения в нее рек Ояш, Умрева и Порос.

Основатель острога

Основатель острога Алексей Степанов Кругликов родом был из ссыльной «Литвы». Начиная с XVII века, «Литвой» называлось формирование пленных служилых людей в России. Большинство из них было белорусами, а меньшинство — поляками и украинцами. Отец Алексея, Степан Круглик, был пленен в 1655 г. во время войны России и Речи Посполитой (Польши) и выслан в г. Томск на службу в сыны боярские. После пе-

ремирия (1662, 1667 г.) Степан не пошел на размен пленных между государствами и остался в Сибири.

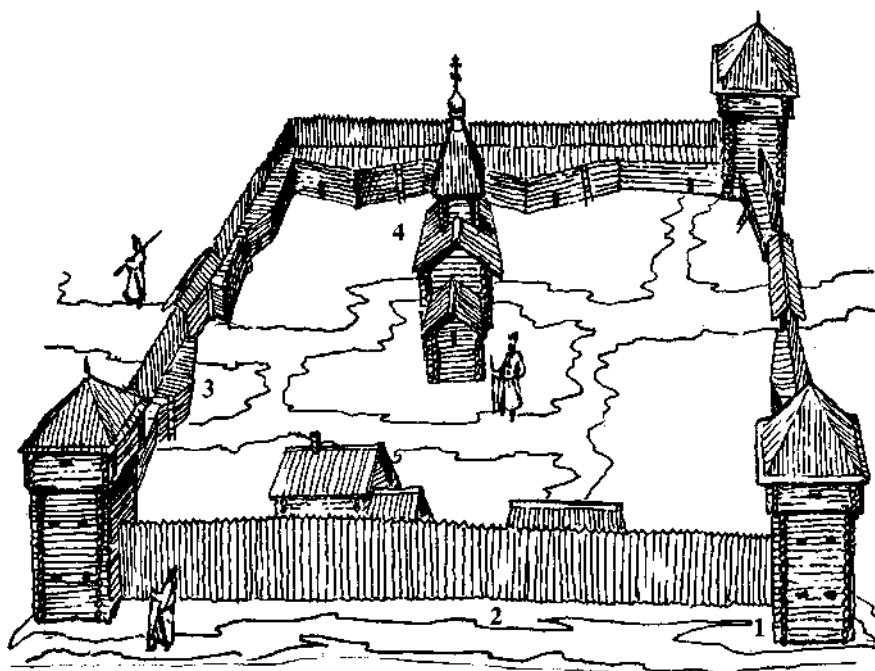

Рис. 2. Вариант реконструкции деревянных укреплений Умревинского острога (по А.В. Шаповалову и Б.А. Осипову): 1 – юго-западная башня; 2 – тыновая стена; 3 – помосты у тына; 4 – церковь Трех Святителей

Дети боярские «Литва» составляли верхушку служилого населения, получали за службу высокие оклады, занимали командные должности, основывали остроги.

Алексей Кругликов впоследствии дважды был приказчиком Умревинского острога и проводил первую перепись населения вновь образованного Умревинского «стана» – волости. В 1713 г. А. Кругликов числился в сибирских дворянах.

Устройство

В начале XVIII в. острог представлял собой четырехугольник, обнесенный рвом, валом и деревянным частоколом с тремя башнями. Размеры оборонительных сооружений по обмерам 1992 г. составили 75×55 м. В единицах измерения начала XVIII века это соответствовало 34,7×24,5 сажень печатных. Сравнение площади Умревинского острога с другими деревянными оборонительными сооружениями Сибири показывает, что его площадь была довольно значительной. Он был больше Ляпинского (42×26×39,5×24 м) и Казымского (58×40×42×40 м) острогов на Средней Оби. По своим размерам Умревинский острог наиболее близок к Саянскому на Среднем Енисее, протяженность земляных укреплений которого составляла 65×70 м.

По описаниям XVIII века за деревянными стенами Умревинского острога размещался двор приказчика, «государевы» амбары-зернохранилища и церковь Трех Святителей. Все остальное жилое и хозяйственное строение находилось вне острога в слободе, которая в 1727 г. насчитывала 40–50 дворов.

Население

Местность, где располагался Умревинский острог, оказалась пригодной для земледелия, и в 1706 г. томский сын боярский И. Старков, назначенный приказчиком, населил его крестьянами. Очень скоро здесь сложился крупный очаг русского хлебопашества. Пер-

выми русскими поселенцами были здесь Иван и Игнат Лебедевы, Никита, Яков и Кузьма Боровские, Тимофей Савин, Василий Печкин, Андрей Елгин с семьями.

В 1709 г. приказчиком Умревинского острога назначен томский дворянин Иван Тихонов Великосельский. Его дед, родом новгородец, в Томск пришел своей волей, ставил Томский город и Кузнецкий острог, и служил в конных казаках лет с 50.

ЧАУССКИЙ ОСТРОГ

Назначение

После утраты в XVII веке Чатского городка у России на левобережье р. Оби не было ни одного оборонительного пункта. Угроза вторжения джунгар в начале XVIII века потребовала возведения здесь нового острога.

Основатель

Томский дворянин Дмитрий Иванович Лаврентьев 29 июня 1713 г. в 6 верстах от устья р. Чаус (приток Оби) на месте недавно заведенной деревни Анисимовой поставил Чаусский острог. Первооснователь Чаусского острога происходил из известной в Томске семьи Лаврентьевых, начало которой восходит к первым десятилетиям XVII в.

Устройство

Строительство Чаусского острога было окончено 4 сентября 1713 года. Он был выстроен четырехугольным по форме техникой города — тарасами, «весь рубленный в две стены с преградами и покрыт весь тесом» (рис. 3). В длину острог был 50 сажень печатных (216 см \square 50 = 108 м), а в ширину — 30 сажень (216 см \square 30 = 64,8 м). По углам врублены 4 глухих башни, в стенах — две башни с проезжими воротами и запускными решетками. В остроге размещались изба приказчика, ссудная изба с амбарами. В 1719 г. здесь была построена Ильинская деревянная церковь. За острогом находилась слобода. Сохранились описания Чаусского острога за 1731, 1740, 1741 и другие годы.

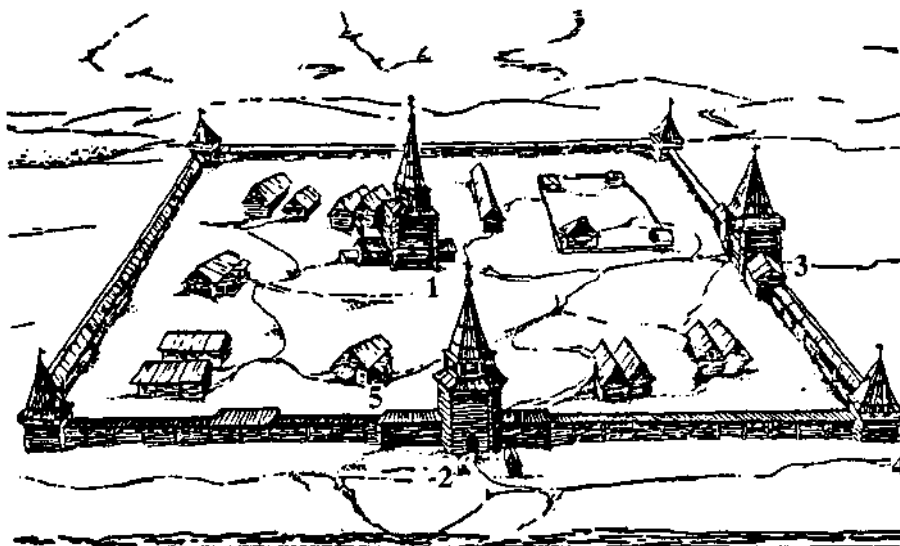

Рис. 3. Вариант реконструкции деревянных укреплений Чаусского острога (по К.П. Зайцеву): 1 — церковь Ильи пророка; 2 — колокольная башня; 3 — башня «Государев двор»; 4 — угловые башни; 5 — судная изба

Население

Первоначально население острога состояло из служилых людей отряда Д. Лаврентьева, затем сюда пришли крестьяне с р. Ишим. По данным Д.Г. Мессершмидта, в 1721 г. в слободе проживало, не считая гарнизона и 30 казаков, около 150 человек. В 1737 г. здесь насчитывалось 120 беломестных казаков, в 1741 г. слобода состояла из 80 дворов. В 1747 г. в самом Чаусском остроге проживало 311 разночинцев и 45 крестьян. В 1822 г. острог был возведен в степень города и получил свой герб.

БЕРДСКИЙ ОСТРОГ

Назначение

Район нынешнего г. Бердска был известен томским служилым людям еще в середине XVII в. Именно в этих местах находилась «разъезжая» казачья станица, охранявшая южные границы Томского уезда. В конце XVII в. по р. Бердь проходила пограничная межа с «телеутской землицей». Русское поселение на стрелке рек Оби и Берди возникло к 1710 г., а к 1715 г. оно считалось острогом.

Поселение было основано, прежде всего, для развития хлебопашества. Плодородные земли и выгодное географическое положение способствовали росту поселка как аграрного центра Приобья. Первоначальное население острога состояло из беломестных казаков и крестьян. В 1717 г. Бердский острог стал административным центром целого района на обском правом берегу.

Устройство

Острожное укрепление состояло из заплота, вытянувшегося в виде дуги от р. Берди к р. Оби. Остальные стороны были укреплены жилыми и хозяйственными строениями, выходящими к берегам рек. Внутри поселения находились Сретенская церковь, съезжая изба, амбары. В середине XVIII в. «заплот» был усилен двумя башнями и валом.

Население

В 1719 г. в Бердском остроге проживало 34 семьи, а всего в волости («стане») насчитывалось 433 двора и 1582 человека мужского пола. В историю Сибири г. Бердск вошел знаменитым бердским «бунтом» 1725–1726 гг., причинами которого были злоупотребления властей. Наиболее активными участниками и руководителями народного движения были крестьяне П. Соколов, И. Рудаков, А. Неустроев, С. Заганов.

В середине XX века, после строительства ГЭС и заполнения Новосибирского водохранилища, значительная часть территории Бердского острога оказалась затопленной.

IV. Сооружение русских острогов

Правила поиска мест для строительства

Постановка острогов в Сибири осуществлялась по отработанной, строго регламентированной схеме:

- разведывание земель;
- сбор сведений о географических, природно-климатических условиях местности;
- сбор сведений о проживающих или кочующих здесь народах, перспективах и формах взаимоотношений с ними;

– сбор сведений о возможностях заведения пашни и содержания скота, поиска полезных ископаемых.

В первой половине XVII века специальные грамоты предписывали «досмотреть крепкое место, где можно устроить острог, и, измерив его в сажнях, составить опись и чертеж будущего деревянного укрепления».

В 1676 г. в Сибирь направляется особая царская грамота, указывающая на необходимость строительства новых острогов. Выбор места будущих острогов обычно начинался с опроса местных жителей. Эти сведения уточнялись наблюдениями участников поисковых походов, таких как обследование устья р. Умревы казаками под руководством А. Кругликова в 1702 г. Место для будущего острога должно было отвечать нескольким требованиям: «угоже, крепко, рыбно и чтоб пашенка была и лугов много».

По итогам «досмотра» составлялись описания, карты, рекомендации с оценкой возможностей освоения обследованной территории. Для Умревинского острога таких письменных свидетельств пока не выявлено. Однако в качестве близкой аналогии документа можно привести описание 1697 г., составленное А. Кругликовым для характеристики рудного местонахождения и угодий по берегам р. Ояш. «Подле той речки Аяшу с одну сторону в вышину речка сажени в полтрети. Подле той речки Аяшу с одну сторону в вышину сажен 10, а на другой де стороне той речки место низкое, вышел мыс в длину сажен на 30, а поперек сажен на 6. А от Томского и до того вышеописанного места на лошадях ехать полтора дни. А от Оби реки по Аяшу речке до того места, где руда, ехать лесом версты три или четыре и около той руды обошли великие леса, а в тех лесах соболиные и бобровые и иные всякие звериные промыслы».

Порядок возведения острогов

Зимовья (заимки), острожки, остроги являлись этапами развития постоянных населенных пунктов русского населения и создавали предпосылки для образования в дальнейшем многих русских городов в Сибири.

Зимовье XVII–XVIII веков представляло собой низкую деревянную избу с нарами и печкой, было обнесено частоколом. Со временем, при сооружении подпрямоугольной ограды из тына с одной или двумя башнями, оно становилось острогом.

К XVIII веку сложился устойчивый тип острожных сооружений. Типовые проекты могли даже не фиксироваться перед строительством на плане и чертежах. Возведение острогов являлось частью повседневного труда опытной в таком деле верхушки сибирских служилых людей, какими были Алексей Кругликов (Умревинский острог) и Дмитрий Лаврентьев (Чаусский острог). К концу XVII века опыт острожного строительства был достаточно детально описан в особых документах (наказных памятях и росписных списках), рассылавшихся из Москвы и Тобольска как инструкции к действию. Возможно, в связи с этим существуют трудности поиска первоначальных чертежей Умревинского и Бердского острогов.

Чаще всего острог описывался и вычерчивался после своего сооружения. Например, А. Кругликов доставил в г. Москву отписки и чертежи ранее построенных Мелесского и Ачинского острогов, а Д. Лаврентьев упоминал о наличии описания и чертежа Чауского острога в 1714 г., спустя год после его сооружения. Вторично выполненный им 26 июня 1724 г. «плакат на 4-х листах с реестром» упоминается в документах 1731 г., но историкам обнаружить его в архивах пока не удалось. Получить представление о чертеже сибирского острога начала XVIII века можно на основании сохранившегося изображения плана Илимского острога (рис. 4) в Восточной Сибири, составленного в один год с основанием Умревинского острога на берегах р. Оби (1703 г.).

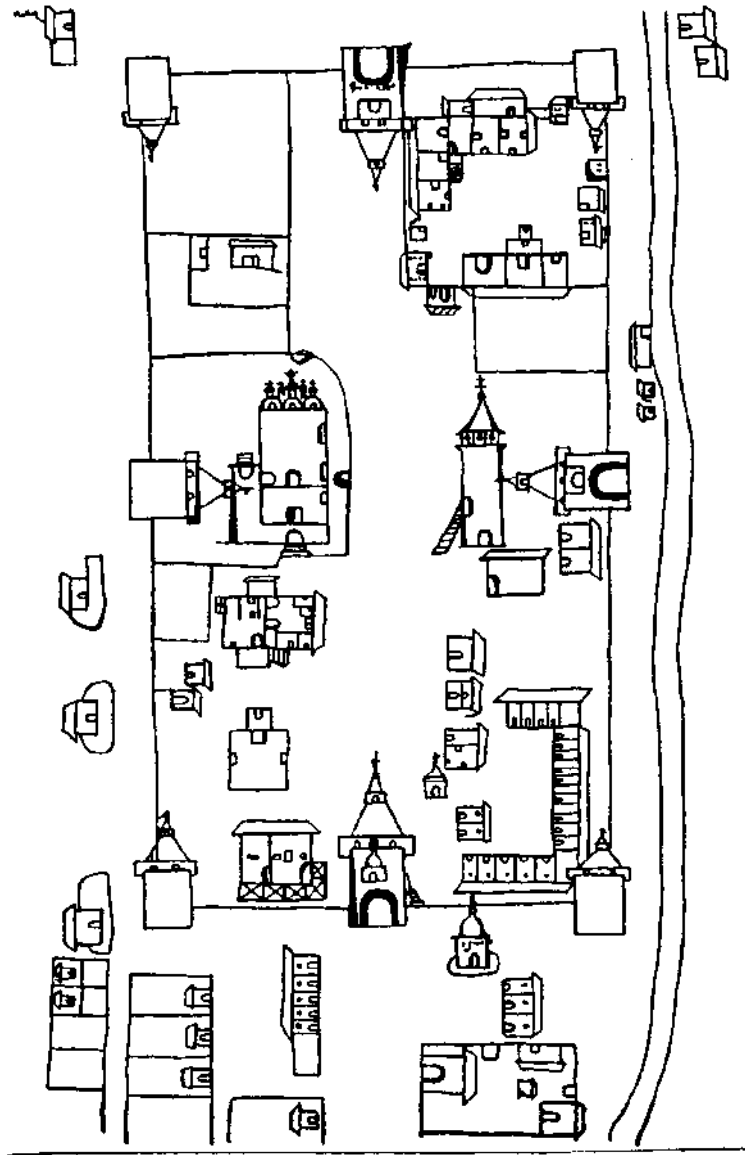

Рис. 4. Фрагмент генерального плана Илимского острога 1703 г.
(по В.И. Кочедамову)

Сроки строительства

Постройка новых и реконструкция старых острогов в Сибири осуществлялись быстро. На малых острогах работы проводились 2–3 недели, на больших острогах — 1,5–2 года. Существовали традиционные поэтапные циклы строительства с закреплением обязанностей между исполнителями: заготовка леса, разметка строительной площадки, земляные работы, предварительная подгонка элементов друг к другу, окончательная сборка конструкций.

При строительстве сибирских острогов в XVII в. известны случаи составления чертежей и необходимых смет. Например, при строительстве Илимского острога после зимней заготовки бревен в 1667 г. воевода Оничков очертил место для острога и заложил первую большую башню — Спасскую. Судя по письменным документам, строительство Чаусского острога продолжалось чуть больше двух месяцев. Работы, начатые на месте будущего острога 29 июня 1713 г., были завершены к 4 сентября 1713 г.

Фундаменты

Одним из первых этапов строительства острога были земляные работы. Прежде чем возводить оборонительные сооружения, следовало оценить качество грунтов, на которых предполагалось строительство.

Устойчивая традиция земляных работ по устройству ленточных фундаментов древнерусских оборонительных сооружений существует начиная с IX века. В XVII–XVIII веках существовали особого рода инструкции по определению качества грунта для строительных работ при возведении оборонительных сооружений. Например, в грамоте Сибирского приказа, направленной в г. Тюмень в 1700 г., предписывалось найти участок с «твердой землей», где следовало вырыть рвы для сооружения фундамента укреплений.

Слабые грунты требовали уплотнения и усиления грунтовых оснований под крепостными сооружениями путем забивки свай. При строительстве Томского кремля в 1647–1648 годах по периметру его стен, с целью укрепления откосов горы, в материке была вырыта система траншей. Они были выявлены в ходе археологических исследований канд. ист. наук М.П. Черной. Траншеи имели форму клеток размером 2,6–3 × 3,6–4 м, вытянутых в линию, повторяющих конфигурацию тарасной стены. Прочность сооружения обеспечивалась не только глубиной закладки ленточного фундамента в 1–1,5 м, но и плотным материковым грунтом внутренней части клеток. Ленточно-свайный фундамент оказался и у юго-западной башни Умревинского острога (рис. 5. – См. вкл.).

Рвы и валы

В архитектурно-планировочном отношении сибирские остроги представляли собой различные варианты четырехугольников, вытянутых вдоль берега реки, как правило, с севера на юг. Для организации обороны и наиболее рационального раздела земли внутри острога прямоугольная форма являлась наиболее удобной. При этом очертания острогов учитывали рельеф местности: оборонительные линии на отдельных участках острогов могли искривляться, приспособляться к складкам местности или приобретать неправильные очертания. Неслучайно конфигурация Умревинского острога по материалам съемки 2002 г. не отличается совершенством геометрической формы (рис. 6).

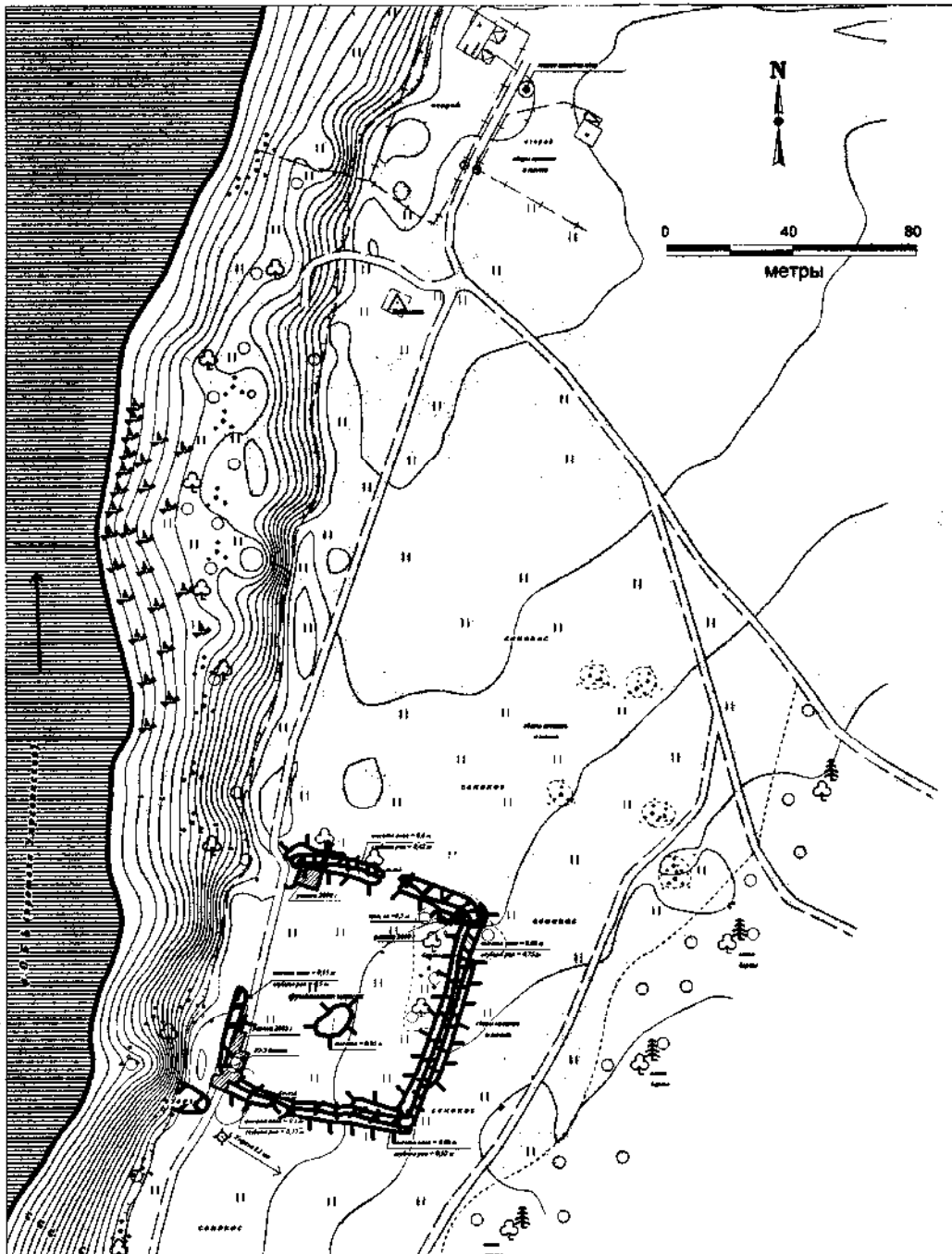
В состав острога обязательно входили внешние оборонительные сооружения (ров, вал, рогатки, надолбы) и внутренний пояс деревянных укреплений (стены с башнями). В начале XVII века рвы острогов могли иметь ширину 2 сажени (180 см × 2 = 360 см), глубину — косую сажень (216 см).

В XVIII веке рвы острогов постепенно теряют былое оборонительное значение, что отражается на их размерах. Археологические исследования на Умревинском остроге позволили выявить рвы шириной всего 1,5–2 м, глубиной от 60 до 80 см. Это соответствовало одной сажени в ширину и аршину в глубину. Однако размеры рвов могли быть «по старинке» и больше. Д. Лаврентьев в первом описании Чаусского острога от 1714 г. отметил глубокий ров, выкопанный вокруг острога.

Часто валы и рвы сооружались с трех напольных сторон. В описании Чаусского острога за 1714 г. и на плане середины XVIII века (рис. 7) рвы были обозначены только с трех сторон и примыкали к реке. Отсутствие рва на наиболее близком к берегу р. Оби участке Умревинского острога вполне может объясняться такой особенностью.

В этот период вал превращается в небольшой бруствер перед деревянными стенами. Академик И.П. Фальк, посетивший Бердский острог в начале 70-х годов XVIII века, отметил его деревянную стену, укрепленную земляным валом. Наличие земляных укреплений острогов оказывало существенное влияние на планировку и название прилегающих к нему площадей, кладбищ, улиц.

**НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ. МОШКОВСКИЙ РАЙОН.
УМРЕВИНСКИЙ ОСТРОГ
ПЛАН ПАМЯТНИКА**

Система координат условная
Система высот от уреза воды р. Обь (на 27.09.02г)
Сплошные горизонталы проведены
через 0,5 метра

М 1 : 2 000
Тахеометрическая съемка
2002 года

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ :

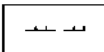

	- археологический раскоп ;		- пункт планово - высотной съемочной сети ;
	- край террасы .		- выходы скальных пород ;

Рис. 6. Современный план Умревинского острога

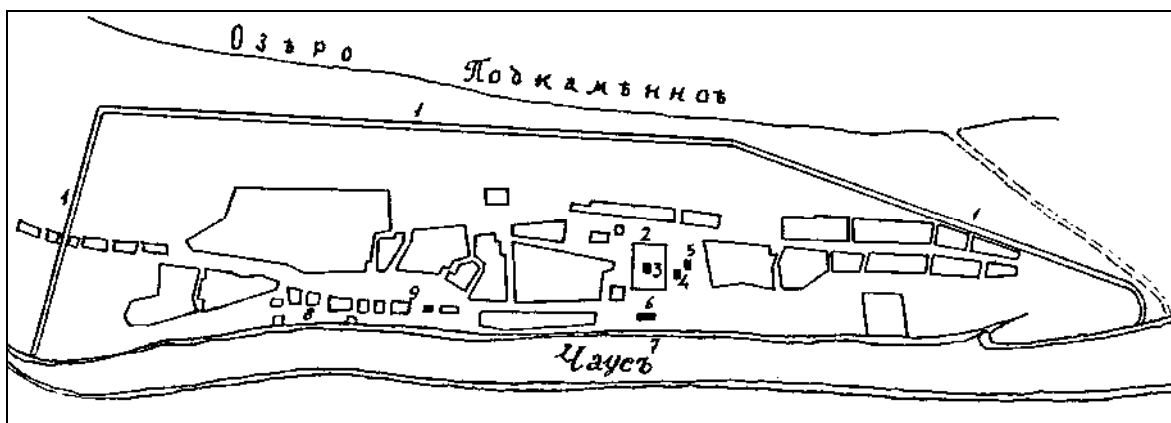

Рис. 7. Геометрический план Чаусского острога первой половины XVIII века (по К.П. Зайцеву): 1 – ров с водой и установленными рядом рогатки и надолбами; 2 – рубленый острог; 3 – деревянная церковь Ильи пророка; 4 – духовное правление; 5 – продовольственный магазин; 6 – волостное правление; 7 – грузовая пристань; 8 – ремонтный двор с кузницей и плотницкой; 9 – торговый магазин и питейный дом

В частности, на старых картах г. Бердска, до его переноса на новое место при заполнении Новосибирского водохранилища, была обозначена Завальная площадь. Это название по своему происхождению близко к названию Завального кладбища г. Тобольска и к улице Земляной вал г. Москвы.

Рогатки и надолбы за пределами земляных оборонительных сооружений являлись элементами защиты. Они соответствовали особым условиям юга Западной Сибири и были весьма эффективным препятствием для степных всадников.

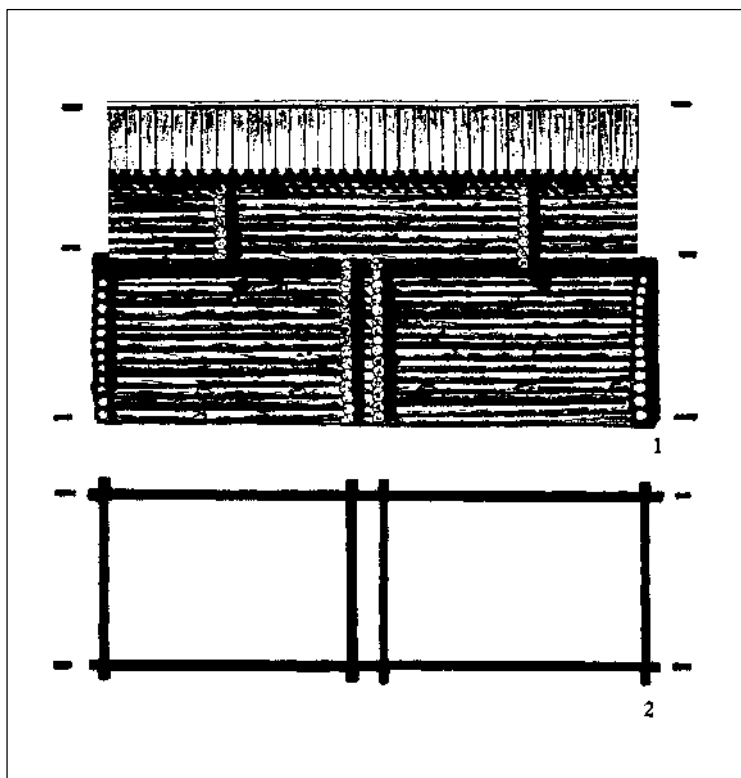
Разновидности деревянных оборонительных сооружений острогов

Основные оборонительные сооружения русских острогов представлены тремя вариантами:

- острог с тыновой стеной;
- тыновые остроги со срубными конструкциями (башнями);
- остроги, выполненные в срубной технике в виде городен или тарасов (рис. 8).

На территории современной Новосибирской области в XVIII веке были представлены два последних варианта укреплений. Умревинский и Бердский остроги имели тыновые стены с башнями-срубами, Чаусский острог был полностью возведен в срубной технике от стен (тарасов) до башен.

Рис. 8. Тарасная стена острога (по Н.П. Крадину): 1 – общий вид тарасной стены; 2 – план тарас

Тын

Для возведения тына копалась специальная канавка глубиной от 1 (71 см) до 1,5 аршин, в неё устанавливались тыновые бревна. Перед строительными работами определялось точное количество бревен для «тынового леса». Например, по приказу воеводы Попова для ремонта Илимского острога в 1753 г. было заготовлено не менее 1500 бревен. Учитывалось количество тыновин между различными башнями острога. В описании Илимского острога от 1703 г. указано: от Спасской проезжей башни до наугольной, по правой стороне укреплений на расстоянии 12 сажень печатных ($216 \text{ см} \times 12 = 2592 \text{ м}$) установлено 115 тыновин. От наугольной башни до средней Богоявленской проезжей башни на участке длиной 61 сажень ($216 \text{ см} \times 61 = 13176 \text{ м}$) стояло 648 тыновин.

Тыновые стены могли быть однорядными и двухрядными. Традиции возведения таких стен древнерусских оборонительных сооружений известны еще с X века. Начиная с XVII века, существовал особый стандарт острожных бревен: в длину 2,5 сажени ($216 \text{ см} \times 2,5 = 540 \text{ см}$), диаметром 5 вершков (22,5 см).

В сибирских острогах размеры тыновых бревен могли быть различными (рис. 9). Например, в Ляпинском остроге тыновины имели высоту 3,7 м и толщину 14–15 см. В Казымском остроге тыновые бревна имели аналогичный диаметр и высоту до 4 м. Тыновины Алазейского острога имели диаметр 12–18 см.

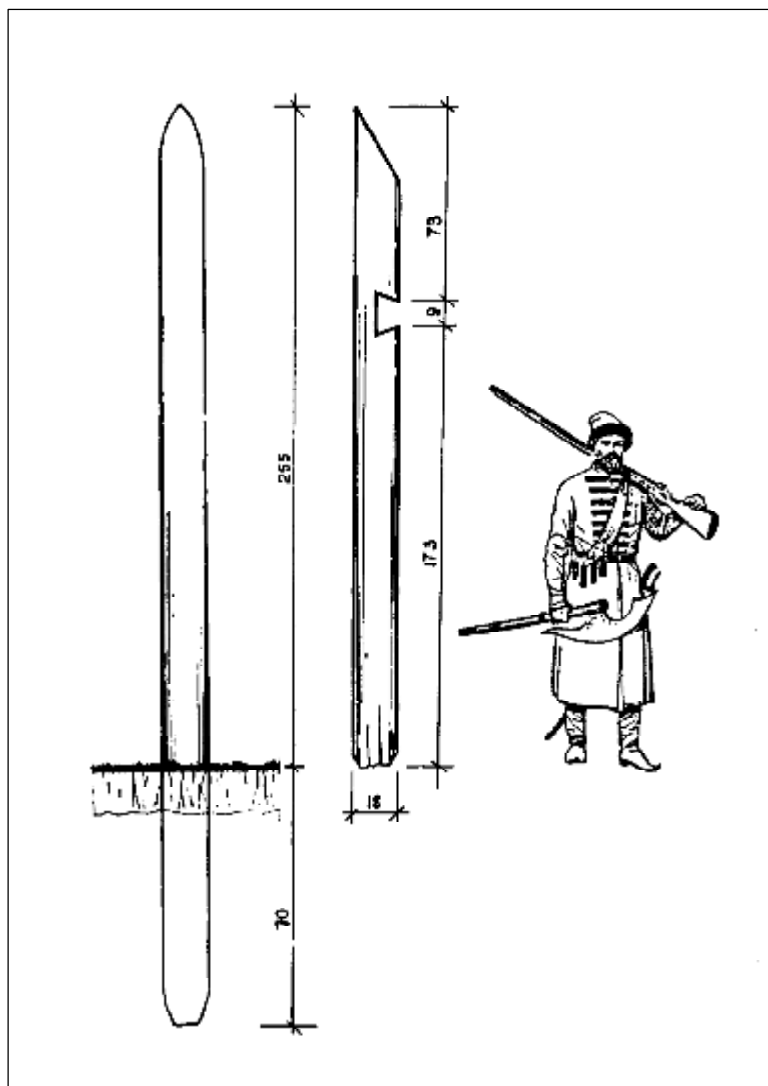

Рис. 9. Размеры тыновых бревен

Археологические исследования Умревинского острога позволили выявить несколько десятков тыновин на северном и западном краю укреплений. Столбы диаметром 15–25 см были углублены на 50 см. Тыновые бревна, вкопанные в землю, соединялись при помощи паза, вырезанного у каждой тыновины с внутренней стороны. Такой конструктивный прием скреплял все бревна частокола и делал стену прочной и плотной. На уровне груди стоящего за тыном человека между бревнами прорубались отверстия для бойниц (рис. 10. – См. вкл.). В ходе исследований были выявлены остатки нескольких столбов внутри острога за тыновой стеной. Они, возможно, являлись опорами для помостов, идущих вдоль стен. Такие конструкции усиливали устойчивость тыновой стены и существенно расширяли возможности для обстрела противника. На возвышенных помостах у тыновой стены несли сторожевую службу, сюда же выкатывали пушки.

Тыновые ограждения XVII–XVIII веков были, в основном, рассчитаны на противника, не располагающего артиллерией, но превосходящего обороняющихся численно. Тын должен был защитить от опасности прямого штурма. На территории Западной Сибири русским приходилось иметь дело именно с таким противником. Однако при столкновении с неприятелем, имеющим свою артиллерию, конструкция тыновой стены имела явные недостатки. Так, осажденные в 1685 г. маньчжурами защитники Албазинского острога на р. Амур были вынуждены капитулировать после первого штурма, поскольку пушки нападавших легко пробивали тыновые стены.

На участках соединения башен и тыновых стен прорубались специальные крепежные отверстия (рис. 11. – См. вкл.). В башнях Казымского острога они располагались на высоте около 3 м и имели размеры 20×10 см. Археологические исследования Умревинского острога в 2002 г. позволили выявить участок соединения западной тыновой стены с одной из сторон угловой юго-западной башни.

Башни

Начиная с XVII века, башни сибирских острогов были достаточно разнообразны (рис. 12). Они различались друг от друга:

- формой основания (четырёхугольная, шестиугольная, восьмиугольная);
- назначением (проезжая, воротная, наугольная, глухая, караульная, а также использованием под амбары, жилье, колокольни и часовни);
- способом рубки «в лапу» или «в обло» (рис. 13. – См. вкл.);
- количеством ярусов (от двух до четырех).

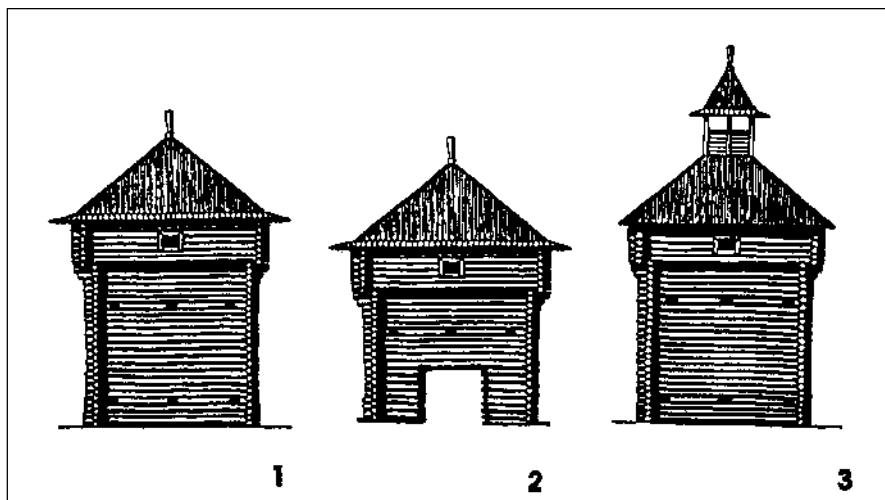

Рис. 12. Разновидности деревянных башен сибирских острогов (по Н.П. Крадину):
1 – угловая башня; 2 – проезжая башня; 3 – сторожевая башня с караульной вышкой

На юге Западной Сибири строили только четырехугольные башни. Высота острожных башен могла составлять более 4–5 м, а размеры напрямую зависели от площади острожных укреплений и их предназначения. В остроге могло быть от двух до пяти башен. Их количество определяло статус острога. Острог с пятью и более башнями, как правило, сооружался на месте будущих городов. Поэтому дальнейшая судьба Чаусского острога и попытка его преобразования в город (1822 г.) вряд ли случайна.

Существовало несколько вариантов планировки башен. Например, четыре угловые башни и одна проезжая, иногда строили две проезжие башни. Угловых башен могло быть меньше, они были одинаковы и симметричными, возможно это касалось и их внутренней планировки. Угловые башни выходили за линию острожных стен двумя сторонами, а башни, стоявшие в середине стены, только одной стороной. Башни выступали от линии стен острога на 1–2 м, что было удобно при обстреле противника.

Конструкция башни состояла из четырехугольного сруба и нависающего над ним облама — второго небольшого сруба в 5–8 венцов, поддерживаемого верхними выступающими венцами бревен основы башни. Между обламом и основанием башни находился проем шириной в 15–25 см. Через него с верхнего этажа башни велось поражение противника, вплотную подошедшего к острожной стене (рис. 14. – См. *вкл.*).

Башни были многоярусными сооружениями. Доступ к ним осуществлялся по внутренним лестницам, состоящим из двух плах («тетивы») с врезанными ступеньками. Первый ярус был наземным, второй — на уровне верха острожной стены, третий — на уровне пола облама башни, четвертым ярусом была дозорная вышка. Нижние этажи угловых башен использовали под жилье, поэтому внутренние люки и лестницы на верхние этажи в них отсутствовали, а вход на верхний этаж осуществлялся с помостов острожных стен.

В стенах башен и обламов просекались небольшие бойницы (8–10 см) для стрельбы по неприятелю. Снаружи нижние и боковые плоскости бойниц были скошены для удобства стрельбы и увеличения обзора (рис. 15. – См. *вкл.*). Расположение бойниц в башнях и стенах было равномерным для средних и верхних ярусов. Крышей башни являлся шатер — высокое четырех- или шестискатное пирамидальное покрытие (рис. 16. – См. *вкл.*).

Над шатрами некоторых проездных башен могли сооружаться караульные сторожевые вышки. Они рубились из бруса и имели каркасную конструкцию, огражденную перилами. В глухих, без дверей, вышках-будках прорубались окна, обращенные во все стороны для обзора караульными панорама вокруг острога до самых дальних подступов. Вход в эти помещения был изнутри башен.

Шатры башен и сторожевых караулен покрывались тесовыми досками. В описании Чаусского острога от 1741 г. упоминается покрытие башен в две тесины. Концы тесин иногда декоративно обрабатывались в виде зубцов или перьев (копий). Такие облицовочные доски назывались полицы (рис. 17. – См. *вкл.*). Ажурные очертания концов зубчатых тесин (полиц) башен и приостреннные острожные стены придавали оборонительному сооружению особую выразительность. Башни также могли использоваться под жилье, амбары и служебные помещения.

Во второй половине XVIII столетия, после утраты оборонительного значения, остроги стали использоваться как тюрьмы. По росписи казачьих служб за 1759 г. четыре казака содержали караул в Чаусском остроге «под башней колодников». В ходе археологических исследований Алазейского острога (Якутия) в северной башне были обнаружены массивные деревянные колодки и наручники (рис. 18).

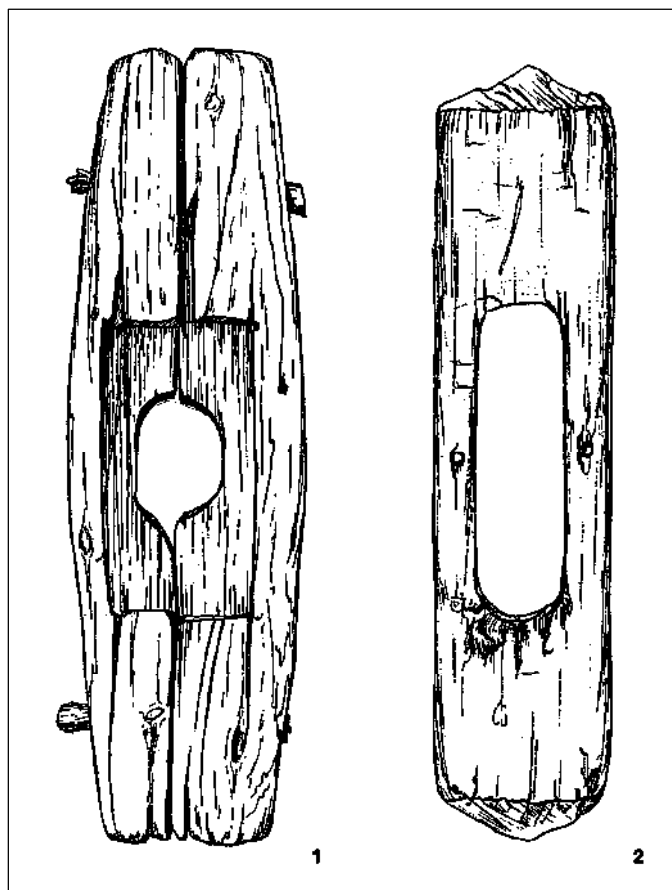

Рис. 18. Деревянные кандалы из северной башни Алазейского острога в Якутии (по А.Н. Алексееву): 1 – ножные деревянные колодки; 2 – деревянные наручники

В суровых сибирских условиях для сохранения тепла в жилой части башен делалась изоляция нижних и верхних ярусов. Межэтажное перекрытие из деревянного настила утеплялось слоем глины и земли. В жилом ярусе башни между венцами прокладывался слой мха.

Иногда на грунте под срубом укладывалась специальная прослойка из мха, смешанного с сеном или навозом.

Археологические исследования основания юго-западной башни Умревинского острога позволили выявить фрагменты плах деревянного пола. Они были уложены внутри башни вдоль длинной оси острога и русла Умревинской протоки р. Оби. Под плахами пола был выявлен фундамент квадратной угловой башни (3,2×3,5 м). Он представлен полубревнами диаметром до 20 см, длиной от 50 до 78 см, затрамбованными глиной в подквадратной канавке. Поверх этой деревянной конструкции сохранилась глиняная засыпка, необходимая для лучшей сохранности нижних венцов башни острога и теплоизоляции жилого помещения.

В традиционной русской домостроительной архитектуре начала XVIII в. жилища с настланным из досок полом стали распространяться наряду с существованием жилых конструкций с земляным полом. Наличие или отсутствие настланного из досок пола было для XVIII столетия особым социальным и региональным признаком. Государственный статус острожных сооружений и обширный опыт строительства заимок и зимних изб в Сибири обусловил широкое бытование дощатого пола у башен. Существовало два варианта настила пола у башен сибирских острогов. Один из них — когда половицы укладывались вдоль длинной оси острога, другой — когда плахи лежали поперек оси.

Строения внутри острога

В сибирских острогах находилось несколько обязательных строений. Их структура определялась военно-административным назначением острога, численностью и составом его гарнизона. Внутренняя планировка сибирского острога отличалась симметричностью и определенной строгостью. Выделялась жилищно-хозяйственная территория, куда входили казармы, бани, загоны для скота, сараи, кузницы, мастерские. На отдельном участке располагались склады, «зеленые погреба» и оружейные (цейхгаусы). В XVIII веке такие сооружения были в большинстве случаев пороховыми погребами и редко посещались, что объяснялось соображениями безопасности.

По материалам археологических исследований Саянского острога, пороховые погреба представляли собой значительные постройки высотой более 3 м, большая часть которых была углублена в землю. На поверхности возвышался только скат крыши и коридорообразный выход, покрытый сверху дерном. По описанию 1741 г., в Чаусском остроге хранилось шесть пудов тридцать пять фунтов пороха и тринадцать пудов двадцать восемь фунтов свинца. В ходе археологических исследований пороховых погребов кремля г. Верхотурья в Зауралье и Албазинского острога на р. Амур были обнаружены пищальные ядра, хранившиеся вместе с пороховым запасом.

На административной территории находилось жилье администрации — приказная изба. Она сооружалась в соответствии с особенностями планировки сибирского жилища. В центральной части острога располагалась церковь.

Закладные ритуалы

Строительство новых государственных пунктов сопровождалось особыми обрядами. В древнерусской традиции существовал ритуал освящения территории будущего города — «закладной чин». В первую очередь «расчерчивали» крепостные стены и освящали их основание, затем определялись места храма и административных построек.

Археологические исследования на Умревинском остроге позволили выявить факт существования таких ритуалов при строительстве. На одном из столбов фундамента западной стороны башни была обнаружена медная монета — «денга» — 1730 г. эпохи царствования Анны Иоановны. Она располагалась орлом вверх и, очевидно, являлась не случайно утерянной, а закладной. Начиная с XVIII в., в российском флоте появляется традиция «прятать монеты, отчеканенные в год постройки корабля». В первой половине столетия такой обычай распространяется и на начальный этап строительства жилых и оборонительных сооружений. В Томском Приобье в конце XIX — начале XX веков при закладке крестьянских домов первыми всегда клали продольные бревна, что по поверьям должно было обеспечить благополучие семьи. По углам основания сруба дома (оклада) помещали кусочки хлеба, маленький камешек и деньги — жертву домовому, «суседке».

На территории Новосибирской области до недавнего времени сохранялись сходные ритуалы. Например, в поселке Сузун и в д. Стародубровино Мошковского района под окладной венец, на фундамент, в четырех углах будущей избы «чтобы водились деньги» закладывали по монете. В селах Мамоново и Старобибеево Болотинского района кроме закладки монет под правую сторону дома, где будет его передний угол, зарывали на определенный срок клад, который в назначенное время «должен сам выйти».

Находка монеты на правой стороне ленточного фундамента юго-западной башни Умревинского острога явно неслучайна, поскольку именно здесь располагался передний угол сооружения. Расположение монеты на свае фундамента юго-западной башни Умревинского острога гербом Российской империи вверх было также символично. Известно, что в этот период российской истории за небрежное отношение к государствен-

ной символике карали достаточно строго. Уронить монету гербом вниз считалось не просто плохой приметой (по аналогии с игрой “орел–решка”), но и могло быть истолковано как оскорбление символов царской власти.

Традиция закладных захоронений

При археологических исследованиях 2002 г. с восточной стороны юго-западной башни Умревинского острога внутри ее бревенчатого фундамента под глинистой насыпкой было выявлено детское погребение. Младенец был уложен в небольшую деревянную колоду, от которой сохранился только тлен. Ребёнок лежал вытянуто на спине, головой на запад. Под спиной погребенного в перевернутом состоянии находился небольшой бронзовый крестик с цельной литой проушиной. Расположение детского погребения внутри башни наводит на мысль о его закладном назначении. Это соответствовало древнерусской традиции помещать под фортификационными сооружениями “детинца” — ритуальные жертвы младенцев.

Ремонт сооружений острога

Деревянные оборонительные сооружения острогов со временем нуждались в систематических ремонтных работах. Каждые 5–10 лет проводили поддерживающий ремонт тесовых покрытий. Мелкие текущие ремонты острогов выполняли, в среднем, через 29 лет. Очередную смену теса (рис. 19. – См. вкл.) на обычных кровлях проводили через 40 лет. На шатровых кровлях с большим уклоном — через 107 лет. Замену или переборку шатровых и других рубленых покрытий проводили, в среднем, через 132 года, а полную замену деревянных фундаментов и окладных венцов — через 133 года.

В письменных документах сохранились свидетельства о неоднократном проведении ремонтно-восстановительных работ острогов Новосибирского Приобья. Как отметил Д.Г. Мессершмидт в своем путевом описании, спустя 19 лет после основания, Умревинский острог оказался частично разрушен. Вероятно, в первой трети XVIII в. производился какой-то ремонт его острожных укреплений. Посетивший эти места в 1734 г. Г.Ф. Миллер отметил, что Умревинский острог состоял из четырехугольного палисада с двумя башнями и церковью Трех Святителей. К тому времени в остроге не было артиллерии и гарнизона. Археологические находки на территории Умревинского острога закладной медной «денги» 1730 г. и клада ядер за пределами оборонительных сооружений, видимо, соответствуют именно этому историческому периоду.

Спустя 30 лет с момента основания Чаусского острога (1713 г.) производились ремонтные работы его оборонительных сооружений, что было обусловлено очередным обострением русско-джунгарских отношений и угрозой вторжения из степи. Сохранившееся предписание 1743 г. позволяет детально представить распределение объема плотницких работ для населения окрестных деревень. Жителям самого острога предписывалось крыть и чинить стены от колокольной проездной башни у р. Чаус до угловой (северо-восточной) башни (см. рис. 3/2,4). Плотникам деревни Скалинской предстоял ремонт тесового покрытия укреплений от угловой башни у р. Чаус до проездной башни «Государев двор» (см. рис. 3/4,3). Крестьянам деревни Бибиной и Кубовинской (на правом берегу р. Оби) следовало отремонтировать участок стены до следующей угловой башни около озера Подкаменного.

Последний раз укрепления Чаусского острога ремонтировались в 1750 г. Острог снова окружили рвом, обнесли надолбами и рогатками. Руководил фортификационными работами штык-юнкер Красносельцев. Во второй половине XVIII века ремонт укреплений острога не проводился.

V. Занятия жителей острогов

Первые жители острогов несли военную и государственную службу, а также занимались хозяйствованием и различными промыслами.

Состав гарнизона

Гарнизоны острогов формировались в соответствии со старыми русскими традициями. Количество гарнизона и его состав зависели не только от размеров и значимости острога, но и от военно-политической ситуации на приграничных территориях. Во время войны Джунгарии с Китаем в 1721 г. воинская команда Чаусского острога состояла из 30 казаков. В условиях продолжавшегося русско-джунгарского военного противостояния численность чаусского гарнизона к 1731 г. составила уже 120 казаков. Среди них было 2 сотника, 2 пятидесятника, 4 пушкаря, 6 знаменщиков, 2 барабанщика и писарь. Такая воинская структура сложилась в стрелецком войске в середине XVII столетия и просуществовала без особых изменений в европейской части России вплоть до начала XVIII века. Несмотря на официальную отмену Петром I в 1711 г. стрелецкого войска, основные элементы его организации сохранялись в городских российских гарнизонах до 1716 г. В Сибири эта традиция продолжала существовать более длительное время (рис. 20. – См. *вкл.*).

Арсенал острогов

Таинственная история связана с вопросом наличия артиллерии в Умревинском остроге. В письменных источниках XVIII века упоминаний об артиллерии нет. Г.Ф. Миллер в своем труде «История Сибирского царства», опубликованном в середине XVIII века, по этому поводу заметил, что «к тому же сие в истории не весьма важно».

В наше время проблема артиллерии XVIII века в Верхнем Приобье является одной из слабоизученных и крайне запутанных. Пока не известно, сколько было в регионе орудий, какого они были калибра и года выпуска, куда передавались и где искать их следы. Обратимся к фактам. Г.Ф. Миллер в 1734 г. отмечал отсутствие артиллерии в Умревинском остроге. Спустя почти триста лет, во время археологических исследований 2002 г. за пределами острога, рядом с домом лесника, сделана интересная находка. Было обнаружено скопление 15 небольших железных ядер, диаметр которых составлял 4,2 см, и ядро диаметром около 10 см.

Не обсуждая достоверности свидетельства Г.Ф. Миллера об отсутствии артиллерийского снаряжения в остроге, отметим некоторые детали находки умревинских ядер. Интересен небольшой калибр большинства находок. Судя по русским письменным документам, в конце XVII в. малокалиберная артиллерия составляла больше половины вооружения крепостей.

В артиллерийском уставе Радышевского типы орудий были систематизированы по фунтовому весу (калибру) и боевому назначению. По этим характеристикам большинство находок из окрестностей Умревинского острога, скорее всего, соответствовало «полковому наряду», включающему легкую артиллерию. Большинство орудий стреляло «дробинами» или «пульками». Как правило, такими боезарядами снабжались затинные пищали и тюфяки — древнейшие типы русской артиллерии, появившиеся в Западной Сибири еще во время похода Ермака (рис. 21/1. – См. *вкл.*). Калибр этих орудий долгое время отличался значительным разнообразием, так как единого стандарта долго не существовало. Для территории Сибири бытование устаревших образцов вооружения

являлось общей тенденцией. Гарнизоны и оборонительные пункты региона часто снабжались по «остаточному» принципу.

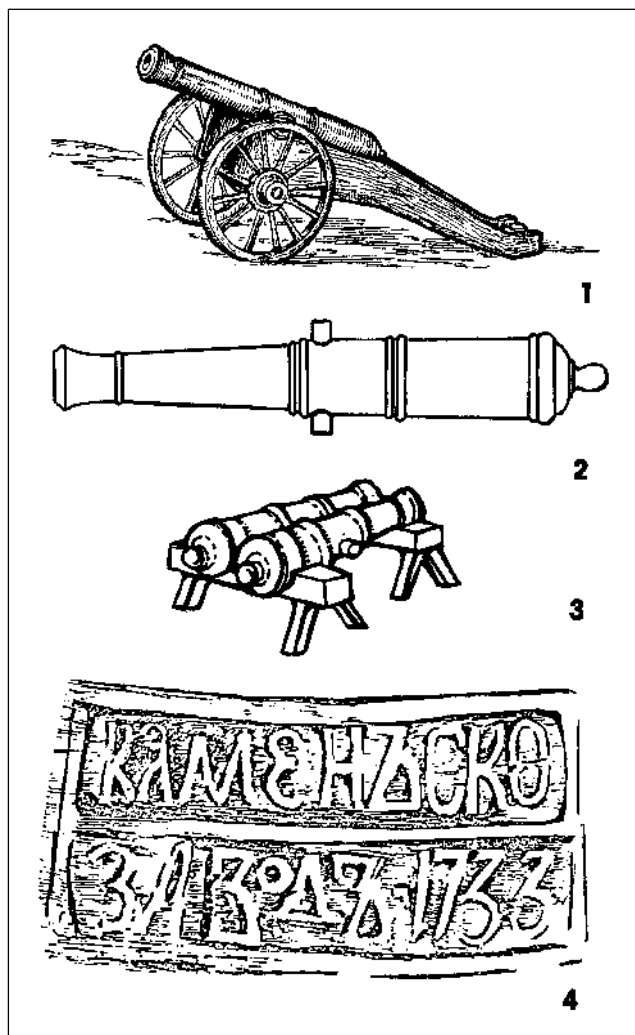
Малые размеры большинства умревинских находок свидетельствуют об их назначении в качестве зарядов для «дробовых» пушек. Картечные снаряды появились значительно позже. Качество поверхности малых ядер из Умревинского местонахождения позволяет судить о технологии их производства. Предметы имели на поверхности отчетливые литейные раковины и швы. Начиная с XVII века, ядра отливались не в глиняных, а в чугунных формах. Очевидно, что артиллерийское снаряжение Умревинского острога представляло собой пищальные стволы, изготовленные по старым русским традициям (рис. 21/2. – См. *вкл.*). В конце XVII в. Петр I лично ознакомился с производством этой разновидности артиллерии и ее зарядов. Отливались ядра по одной и двум гривенкам. С XVI в. гривенка (или гривна) являлась мерой веса и денежной счетной единицей. Номинал гривенки составлял 10 копеек. Эта разменная серебряная монета стала чеканиться в России с 1701 г. Как мера веса гривенка соответствовала 409,5 г. В XVII в. под влиянием оживленных торговых связей с Западом появляется слово «фунт», постепенно вытесняющее название «гривенка». Тем не менее, на всем протяжении XVII столетия не было четкого разграничения в употреблении этих наименований одинаковой меры веса. Такое разнообразие весовых стандартов нашло отражение в размерах и весе артиллерийских ядер рубежа XVII–XVIII вв.

Диаметр ядер из окрестностей Умревинского острога (42 мм) был несколько меньше диаметра фунтового ядра (44–45 мм) Саянского острога (рис. 21/3. – См. *вкл.*). Вес ядер с Умревинского острога существенно отличался от фунта и составлял всего 310 гр. Это значит, что калибр умревинских пищалей затинных соответствовал одногривенковым стволам конца XVII в., а не фунтовым орудиям начала XVIII столетия (51 мм). Образцы таких легких крепостных пищалей выставлены в экспозиции Артиллерийского музея г. Санкт-Петербурга (см. рис. 20/2).

В 1702–1703 гг. на Каменском чугунно-литейном заводе была отлита большая партия современных пушек (рис. 22). Часть этих орудий в первой половине XVIII в. попадает из г. Тобольска в гарнизоны острогов, форпостов и крепостей юга Западной Сибири.

Рис. 22. Артиллерия сибирских острогов:

- 1 – четырех фунтовая пушка петровского времени 1700 г. на лафете (по Н.Г. Павленко);*
- 2 – ствол трехфунтового артиллерийского орудия первой половины XVIII века (по А.К. Станюковичу);*
- 3 – хранение артиллерийских стволов на станках в сибирских острогах;*
- 4 – клеймо на пушечных стволах Каменского завода (по А.К. Станюковичу)*

Большинство орудий Чаусского острога было, вероятно, изготовлено именно в этот период. В описании вооружения острога от 1740 г. упоминалось пять артиллерийских орудий в станках и на колесах, из них одна пушка была медная, а четыре — чугунные. Зарядный комплект составлял восемьдесят три крупных и мелких ядра, что свидетельствовало о разнокалиберности орудий. Размещение пушек в Чаусском остроге соответствовало древнерусской традиции. Они находились не на батареях («раскатах»), а на башнях острога. Количество артиллерийских стволов (пять пушек) означало, что одна из башен не имела такого вооружения. Медная пушка Чаусского острога, видимо, была самым старым орудием. В конце XVII века именно такие орудия стояли на вооружении Тобольского кремля и Илимского острогов.

Артиллерия была и среди вооружения Бердского острога. В переписи 1719 года среди жителей Бердского острога упоминается пушкар Т. Кузнецов, но отсутствуют данные о количестве и калибре артиллерийских стволов.

Последнее упоминание об артиллерии Чаусского острога относится к первой половине XIX века. В заметке путешественника по Сибири, опубликованной в газете «Северная пчела» за 1827 г., говорилось, что от Чаусского острога осталось только четыре чугунных пушки и одно медное орудие. Стволы лежали без всякого употребления на своих ветхих станках. Артиллерия пережила Чаусский острог более чем на пятьдесят лет. Однако в настоящее время о дальнейшей судьбе пушек приходится только догадываться.

Не менее интересен вопрос: почему с Умревинского острога исчезли ядра?

Компактное скопление предметов соответствовало если не «артиллерийскому складу» (он должен быть в центре острога), то, по крайней мере, месту временного хранения ядер. Артиллерийские заряды, безусловно, являлись «государевой собственностью». В Российском государстве преступления, направленные против артиллерийских запасов, считались наиболее опасными. Например, при раскрытии «заговора» в Якутске в 1690 г. его инициаторы были обвинены в том, что хотели «великих государей пороховую и свинцовую казну пограбить». На протяжении ряда столетий артиллерия имела в России особый государственный статус. До военных реформ Д.А. Милютина второй половины XIX века у артиллерии был свой начальник, не подчинявшийся военному министру и имевший доклад непосредственно у Государя.

Ценность зарядного комплекта Умревинского острога является объяснением причин, почему он оказался за пределами оборонительных сооружений. После потери острогом оборонительного значения заряд мог быть вынесен с его территории и спрятан за пределами фортификационного сооружения. Находку ядер за пределами острога вполне можно считать кладом, спрятанным в период до 20-х годов XVIII века, поэтому данные по артиллерии могли не попасть в более поздние характеристики острога, которыми располагал Г.Ф. Миллер.

Арсенал Чаусского острога можно представить по его описанию от 1740 г. В документе упоминается о сорок двух мелких, гладких и перепочиненных пищалях, двух знаменах (одно из которых камчатое, а другое китайчатое) и двух барабанах. В Бердский острог из г. Барнаула были отправлены в 1758 г. сигнальный барабан и три образца копья.

Караульная служба

По росписи Чаусского острога за 1759 г. количество казаков составляло 300 человек при 4 сотниках. Караульная служба велась не только на территории острога, но и за его пределами. Около городских передних ворот находилась специальная караульная изба. Постоянный караул острога составляли 4 казака, 64 казака были в карауле у казенных судов, стоящих на р. Чаус, 30 казаков — в карауле на удаленном Бурлинском

соляном озере и один казак охранял артиллерию острога. Оповещение «тревоги» выполнялось колотушками по доскам, подвешенным возле караульных изб.

В первые десятилетия XVIII века назначение Умревинского, Чаусского и Бердского острогов с военной точки зрения состояло в обороне рубежей при возможном джунгарском вторжении с юга. Сбор информации о военно-политической ситуации в Верхнем Приобье был одной из обязанностей официальных лиц острогов. Например, после неудачной военной экспедиции Бухгольца на р. Иртыш в мае 1717 года бердскому приказчику Ивану Будкееву удалось получить важную информацию о скоплении на реке Алей двух тысяч калмыков, готовых к нападению на русские территории Верхнего Приобья. В 1741 г. И.Г. Гмелин отметил в своем путевом дневнике, что урочище Писаная береза называлось так потому, что в дупле дерева чаусские казаки-разведчики оставляли для проезжающих записи с предупреждениями о «калмыцкой опасности». Сбор сведений о неприятеле был актуален вплоть до середины XVIII столетия.

Транспортное значение острогов

Дороги

С самого начала строительства Чаусский острог играл роль важного транспортного пункта, обеспечивающего движение на Тарско-Томском участке старого Московского тракта. Застрявший осенью 1713 г. около оз. Убы караван с царской казной удалось провести во многом благодаря помощи строителей Чаусского острога. В середине XVIII века почти половина казаков Чаусского острога (120 человек) занимались содержанием зимовий на Тарско-Томском участке Московского тракта.

К 1733 г. Российское государство закончило строительство первой транссибирской трассы — Московского-Сибирского тракта. С 40-х годов XVIII века движение по тракту стало регулярным. Жители Чаусского острога занимались в этот период поставкой почтовых лошадей для проезда через Барабу до Бергамацкой слободы (Прииртышье). Это давало им не только большой доход, но и было связано с определенными неудобствами. На чаусских обывателей ложилась обязанность поставлять по очереди или по подряду подводы для почтовой и ямской гоньбы. Официальные лица острогов должны были представлять сопровождения для важных путешественников. Например, в 1741 г. чаусский приказчик предоставил ученому-путешественнику И.Г. Гмелину конвой из 15 казаков. Кроме того, необходимо было чинить пристани, мосты и гати на дорогах. О значительных тяготах, связанных с транспортными нуждами, свидетельствует описание местного комиссара, поручика Копиева от 1756 года и многочисленные крестьянские прошения властям.

В 1777 г. через Бердский острог прошел Барнаульский тракт. Он связал заводы Алтая с Московским трактом.

Посещение острогов учеными-путешественниками

В первой половине XVIII века через остроги на берегах р. Оби проезжали участники академических экспедиций: Д.Г. Мессердшмидт, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, оставившие потомкам интересные сведения об острогах и их обитателях.

Во время подготовки 1-й и 2-й Камчатский экспедиций под руководством В. Беринга (1725–1740 гг.) значительное количество плотницких инструментов (топоры) и строительных принадлежностей (гвозди, скобы, цепи, крюки) производились и собирались во многих городах и населенных пунктах Сибири, включая остроги. Поэтому случайно железный топор, найденный на территории Чаусского острога (рис. 23/1),

близок к обнаруженным на зимовке 1741–1742 гг. экспедиции В. Беринга на Командорских островах.

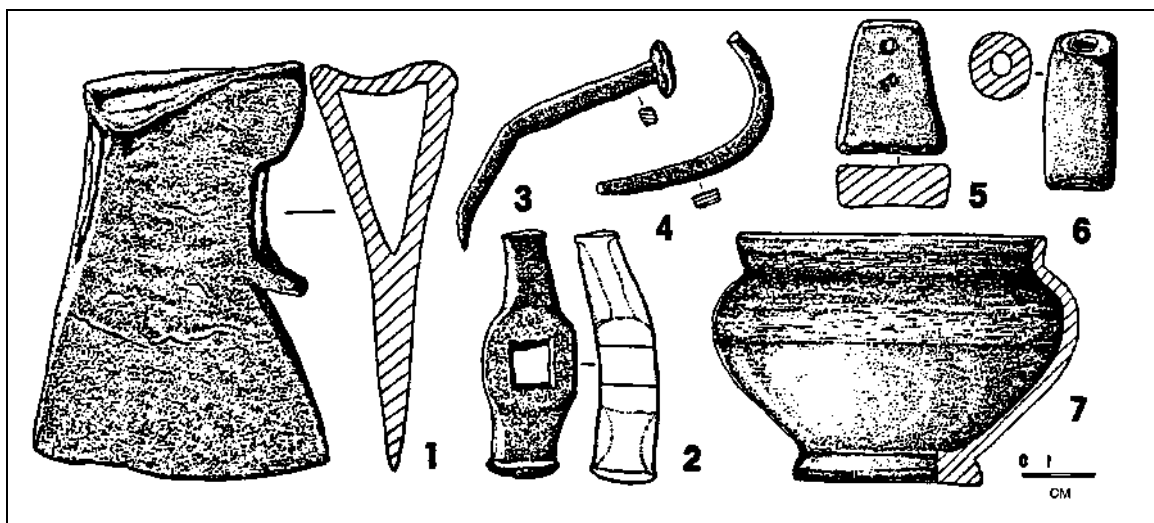

Рис. 23. Археологические находки из Чаусского острога (по А.П. Бородавскому): 1 – железный топор; 2 – железный кузнечный молоток; 3 – кованный железный гвоздь; 4 – кованная железная скоба; 5 – керамический ткацкий груз; 6 – керамическое грузило для сети; 7 – глиняный горшок

В начале 70-х г. XVIII века в Бердском остроге побывал академик И.П. Фальк; Умревинский и Чаусский остроги посетил академик П.С. Паллас.

Судоходство

Еще одной важной транспортной функцией острогов было обеспечение судоходства. Первоначальное экономическое значение Умревинского острога сводилось к контролю перевозки соли по р. Оби с Бурлинского и Ямышевского озер (Кулундинская степь) на север. По всей видимости, одной из причин выбора Алексеем Кругликовым места для основания Умревинского острога являлось удобство для оборудования пристани на каменистом берегу обской протоки (рис. 24. – См. вкл.).

Свою пристань имел и Чаусский острог. Среди археологических сборов известна серия кованых разновременных гвоздей и скоб с территории острога (см. рис. 23/3,4). Эти предметы не только являются продукцией местного кузнечного производства, но и результатом ремонта и утилизации старых речных судов. По росписям казачьих служб Чаусского острога за 1759 год, 85 человек из гарнизона и 300 беломестных казаков занимались расковкой старых и негодных дощаников (большие плоскодонные лодки).

Пристань функционировала довольно долго и после исчезновения острожных укреплений. Маломерные суда ходили по р. Чаус и приставали на месте старой пристани еще в 40-е годы XX столетия. После их прохода по реке на береговых отмелях можно было собирать старинные монеты XVIII–XIX вв.

Была пристань и в Бердском остроге.

Рыболовство

Сибирские остроги неслучайно строились у рек. Они были не только удобными транспортными путями, но и давали возможность активно заниматься рыболовством. Временные неблагоприятные экологические изменения — подтопление острогов — не могли заставить население покинуть изобильные рыбой прибрежные территории.

Среди археологических находок на Чаусском и Умревинском острогах встречаются керамические грузила от сетей (рис. 23/6). В Верхнем Приобье у русского населения существовала традиция изготовления таких предметов. На реках с более быстрым течением и каменистым дном, таких как Енисей, грузила изготавливались из камня. Недалеко от Умревинского острога обнаружен большой железный рыболовный крючок для добычи крупного улова. Именно такие снасти, судя по полевым рисункам Д.Г. Мессершмидта и Ф.И. Страленберга первой половины XVIII в., использовали барабинские татары в качестве атрибутов своих домашних божеств.

Сельскохозяйственные занятия

Основными занятиями жителей острогов были земледелие и скотоводство. Из архивных документов за 1703 год известно, что в Умревинском остроге значилось 9 крестьянских семей и 2 семьи оброчных людей. Крестьяне пахали на себя 14 десятин земли, косили сено — 600 копен, платили отсыпной хлеб: рожь — 31,5 четвертей, овес — 31,5 четвертей (см. словарь терминов в конце издания. – *Ред.*). Земли Чаусского и Бердского острогов тоже активно распахивались.

Интенсивное развитие русского земледелия Западной Сибири играло не только продовольственную роль. Это явление имело важное общегосударственное значение, поскольку позволяло всему региону перейти на самообеспечение, а в будущем заложить основы сибирского зернового экспорта. В середине XVIII века казенные закупки хлеба у крестьян Чаусского ведомства были весьма значительными, что позволяло поставлять хлеб для алтайских заводов и военных линий на юге Западной Сибири. А.Н. Радищев, проезжая в окрестностях Чаусского острога в 1797 г., неслучайно отметил, что жители его «питаются одним хлебопашеством». Успехи земледелия на этой территории нашли свое отражение даже в гербе Колывани, получившей городской статус в 1822 г. В нижней части поля геральдического щита г. Колывани изображена серебряная нива, сноп, серп и рог изобилия (рис. 25).

Рис. 25. Герб города Колывани от 1822 г.

Бугровщичество

В конце XVII – начале XVIII веков юг Западной Сибири был охвачен активной деятельностью бугровщиков — людей, занимавшихся добычей ценных предметов из древних курганов. Результаты этого промысла были настолько значительны, что позволили сформировать великолепные коллекции древностей. Одну из них, находясь в Голландии, Петр I видел у амстердамского бургомистра Н. Витсена. Другое собрание древностей, названное позже в честь российского самодержца Сибирской коллекцией Петра Великого, было преподнесено в 1715 г. известным заводчиком А.Н. Демидовым царице Екатерине. Широкий размах бугровщичество позволил сибирскому губернатору М.П. Гагарину в 1716 г. доставить Петру I коллекцию ювелирных изделий, скопившихся к тому времени в г. Тобольске.

Деятельность бугровщиков в Сибири во многом определила издание знаменитого указа о Кунсткамере от 13 февраля 1718 г. Он заложил основу Российского законодательства об учете, выявлении и охране археологических памятников. Постановление

было уточнено в 1721 г. еще одним разъяснением, позволяющим покупать древние вещи в Западной Сибири и в дальнейшем пересылать их в Берг-коллегию и Мануфактур-коллегию. Один из таких случаев — предложение жителей Чаусского острога Д.Г. Мессершмидту о приобретении древних вещей из раскопок бугровщиков в 1721–1722 гг.

Организация промысла бугровщиков

По описаниям Д.Г. Мессершмидта, организация промысла бугровщиков выглядела следующим образом. Последним санным путем в конце марта бугровщики «отправлялись в степи за 20–30 дней езды». За сутки при передвижении на лошадях можно было пройти не более 30–40 км, значит, раскопки курганов велись на расстоянии 600–1200 км от Чаусского острога, на территориях Барабы и Кулунды, еще не входивших в состав Российского государства.

Желающих заниматься бугровщицеством собиралось до 200–300 и более человек со всех окрестных деревень. Они разбивались на отряды по территориальному признаку — местам поиска курганов-бугров. Отряды расходились по различным территориям, но всегда имели между собой сообщение для защиты и в случае прихода калмыков или казахов.

Занятие бугровщицеством было довольно опасным делом. Вооруженные стычки с кочевниками случались нередко, приходилось сражаться, и часть бугровщиков «убивалась до смерти на тех буграх». Кроме того, результат раскопок далеко не всегда был удачен. «Найдя такие насыпи над могилами язычников, они иногда, правда, копают напрасно и находят только разные железные и медные вещи, которые плохо оплачивают их труд, но иногда им случается находить в этих могилах много золотых и серебряных вещей, состоящих из принадлежностей конской сбруи, панцирных украшений, идолов и других предметов», — пишет Д.Г. Мессершмидт.

К началу XVIII века большая часть степных курганов была уже разграблена. По замечанию Д.Г. Мессершмидта, «языческие могилы» на берегах Оби настолько были разграблены, что «нужно было обладать особенным счастьем, чтобы случайно напасть на еще что-нибудь важное».

Впечатляет численный состав отрядов бугровщиков. Количество участников артелей не только велико само по себе, но и значительно в сравнении со всем населением Чаусского острога и его округи в начале XVIII века. По свидетельству Д.Г. Мессершмидта, в 1721 г. в слободе Чаусского острога, не считая казаков, проживало не более 150 человек. Только к 1741 г. общее население Чаусской волости существенно увеличилось и составило 874 человека. Численность бугровщических партий вполне сопоставима с родовыми группами, кочевавшими в Кулунде в Прииртышье. По данным Г.Ф. Миллера, количество проживающего на этих территориях местного населения — орчаков — не превышало 200 человек. Таким образом, бугровщицеством в начале века занималось практически все взрослое мужское население Верхнеобских территорий Российского государства.

Расширение кладоискательства в древних степных курганах зачастую приводило к конфликтам с местным населением. О таких вооруженных столкновениях имеются неоднократные свидетельства. Масштабы разграблений древних курганов были действительно значительны. По описаниям капитана от артиллерии И. Унковского, возглавлявшего в 1722–1723 годах русское посольство в Джунгарии, отмечено, что в среднем течении р. Иртыш, на стыке Барабы и Кулунды, находится «множество раскопанных бугров». В ответ на недовольство джунгар о деятельности на спорных или пограничных территориях, И. Унковский пытался оправдать деятельность артелей бугровщиков. Руководствуясь дипломатическими соображениями, он разъяснял джунгарскому посланнику, что в этих курганах были погребены жившие здесь еще до принятия христианства русские люди.

Существующая проблема разграбления сибирских древностей была решена принятием в 1722 г. указа о “недозволении крестьянам и разночинцам отправляться на бугровщичество в сторону Казачьей Орды” (Северного Казахстана и Кулунды). Еще через пять лет, в 1725 г., сибирский губернатор специальным распоряжением запрещает «бугрование под страхом жестокого наказания». Причина появления постановлений состояла не только в заботе о памятниках древности и исполнении Петровских указов. Главным мотивом правительства было стремление сохранить малочисленное русское население юга Западной Сибири, ограничив его переселение на сопредельные территории.

Миграционная активность первых поселенцев острогов

На протяжении первой половины XVIII века пограничная с Умревинским острогом территория Таволгана являлась своеобразным промежуточным «трамплином» для дальнейших переселений русских. Об этом красноречиво свидетельствуют данные топонимики и миграционная активность первых поселенцев Умревинского, Чаусского и Бердского острогов. Выходцы из первых укрепленных населенных пунктов быстро уходят на р. Бурлу и в Белоярский острог, расположенный выше по течению р. Оби.

Во втором десятилетии XVIII века основной поток переселенцев обошел Умревинский острог. С основанием Чаусского и Бердского острогов стали активно осваиваться более южные земли. Русские крестьяне – переселенцы с запада, не испытывая желания осваивать заболоченные земли обского правобережья, двигались на юг, среднюю и верхнюю Иню, верхнюю Бердь и Чумыш, оставляя район Умревы в стороне.

Наряду с этим, по письменным свидетельствам от 1730 г., среди русского населения Западной Сибири за Чаусским острогом прочно утверждается репутация одного из мест, где особенно «хорошо живется». Сюда переселяются жители даже из стольного града Тобольска. В 1741 г. слобода Чаусского острога состояла из 80 дворов, а через шесть лет ее население составили 311 разночинцев и 45 крестьян.

VI. Остроги — первые центры православия в Новосибирском Приобье

Наиболее важными функциями сибирских острогов были военные, административные, бытовые и ритуальные. Единение духовной и светской власти в России наиболее полно отражалось в государственной идее «Москва — Третий Рим». На территории Сибири эта идея реализовалась почти на два столетия позже, чем в России. Государство способствовало распространению православия, расширяя и углубляя тем влияние России в сибирском регионе. Основную роль в этом играли священники и церкви острогов.

Элементы церковной архитектуры являлись обязательным элементом оборонительных сооружений острогов. Это были выносные часовни над воротами проезжих башен (рис. 26. – См. *вкл.*) или колокольни (рис. 27. – См. *вкл.*). Завершение строительства острога всегда сопровождалось возведением церкви в центральной части оборонительного сооружения. Она играла не меньшую роль, чем башни и стены острога (рис. 28. – См. *вкл.*). Значение церкви было настолько велико, что иногда дату ее сооружения могли соотносить со временем освоения острога. Например, по мнению Д.Я. Резуна, замечание выдающегося российского историка Г.Ф. Миллера о заселении Умревинского острога в 1708 г. могло быть обусловлено тем, что именно в этом году в нем была построена церковь Трех Святителей.

Разновидности деревянных храмов

Как первоначально выглядели церкви острогов Новосибирского Приобья — Трех Святителей (Умревинский острог), Ильи Пророка (Чаусский острог), Сретенская церковь (Бердский острог), — к сожалению, неизвестно. Однако представить варианты конструкции церквей можно исходя из основных особенностей культовой архитектуры Сибири конца XVII – начала XVIII веков. Для этого исторического периода были характерны две основные разновидности деревянных храмов.

Первую из них представлял древний и наиболее простой вид, так называемый клетской храм северо-русского происхождения. Он состоял из двух поставленных рядом друг с другом срубов, каждый из которых был покрыт двускатной крышей (рис. 29. – См. *вкл.*). На крыше более высокого восточного сруба («клетки») находился небольшой четверик, покрытый «бочкою». «Бочка» несла на круглых шейках луковичные главки, обитые лемехом.

Другой разновидностью церковных построек была шатровая церковь. Она, обычно, состояла из трех частей. Центральная часть была основной и представляла собой обширный четырехгранник, заканчивающийся вверху восьмигранной пирамидой в виде шатра. Шатер венчался небольшим куполом луковичной формы. Вторую и третью части церкви составляли пристройки. С восточной стороны церкви находился алтарь, а с западной — трапезная. В некоторых церквях около основного сруба пристраивались с севера и с юга так называемые приделы. Они придавали зданию в плане форму креста.

Замечательным и единственным сохранившимся до наших дней подлинником культовой шатровой архитектуры является Спасо-Преображенская церковь из Зашиверска на р. Индигирке в Якутии (рис. 30. – См. *вкл.*). В настоящее время она является жемчужиной экспозиции Музея под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН, расположенного в окрестностях новосибирского Академгородка (рис. 31. – См. *вкл.*). Этот храм, возведенный около 1700 г., вполне может быть прототипом церквей, построенных в Умревинском, Чаусском и Бердском острогах в начале XVIII века.

Вопрос о наличии у церквей этого времени высоких шатровых покрытий далеко неоднозначен. Дело в том, что в России со второй половины XVII века шатровые храмы подверглись прямому запрещению патриархов в связи с частыми пожарами церковных построек от ударов молнии. Количество таких деревянных сооружений постепенно сокращалось. После запрета шатровые церкви в Сибири продолжали возводить, примером тому является храм из г. Зашиверска. По данным М.П. Черной, ремонт, произведенный в Томском кремле в период с 1700 по 1740–1743 гг., привел к окончательной замене шатровых покрытий башен на купола.

Приход церквей острогов

Приход церквей острогов составляли не только его жители, но и все население ближайшей округи. В 1763 г. церковный приход Сретенской церкви Бердского острога с близлежащими деревнями состоял из 378 дворов, где проживало 3568 человек, в большинстве — крестьяне. Значение церквей сохранялось и после изменения административного статуса острогов. Так, приход церкви Трех Святителей Умревинского острога, в котором к 1777 г. осталось только 3 семьи церковнослужителей и 11 крестьянских семей, состоял из населения нескольких десятков деревень, расположенных на правом и левом берегах р. Оби (Ташаринская, Дубровинская, Поросская, Каменская, Кындыбозинская, Вашинская, Болотинская, Кунгурова, Глызина, Кайлинская, Канарбуцкая, Калаганова, Буготацкая, Маткова, Карбысацкая, Елбацкая, Черномысская, Умревинская дистанция). Всего в приходе на этот год числилось 1736 человек, большая часть из которых проживала на значительном удалении от Умревинского острога.

Кладбища на территории острогов

В XVIII веке церковные приходы на обширных территориях Западной Сибири располагались далеко друг от друга. В связи с этим многие из умерших были погребены без совершения над ними христианских обрядов на «пустопорожних местах». Поэтому в ряде случаев на территории острогов могли возникать кладбища, занимающие определенные участки внутри укреплений. Например, в Илимском остроге XVIII века кладбище располагалось в его западной части. Академиком В.И. Молодиным на территории острога были исследованы 330 погребений. По предварительным расчетам, они составляли треть от острожного кладбища. Могилы располагались рядами, с севера на юг. Иногда захоронения перекрывали друг друга, что свидетельствовало о различном времени их возникновения.

Археологические исследования западного края Умревинского острога в 2000, 2002 гг. позволили обнаружить рядом с оборонительными сооружениями (тыном, башней) несколько разновременных захоронений. Погребение пожилой женщины с медным нательным крестом находилось внутри северо-западного угла стены частокола и относилось к XIX веку. Коллективное захоронение 9 человек (взрослых и детей) было обнаружено у входа в юго-западную башню. Погребенные были уложены в несколько ярусов, друг на друга. Глубина захоронения от материковой поверхности была очень небольшой — от 0,3 до 0,6 м. Остатки деревянных конструкций были представлены фрагментарно. В детских погребениях хорошо сохранились деревянные колоды-гробовища. Бронзовые кресты были у двух детей и двух взрослых. В области груди одной из взрослых женщины была найдена крупная свинцовая картечь (диаметром 5 мм). Она аналогична боеприпасам, обнаруженным в ходе археологических раскопок Саянского острога на Енисее и Албазинского острога на Амуре. По целому ряду признаков это захоронение напоминает останки непогребенных защитников Албазинского острога, уложенных без гробов друг на друга и имеющих следы огнестрельных ранений, или захоронение участников арктических экспедиций XVIII века.

VII. Последние дни острогов Приобья

Причины разрушения острогов

В конце XVIII века все остроги Новосибирского Приобья теряют свое административное и военное значение. Деревянные оборонительные сооружения ветшают и постепенно исчезают. В путевых описаниях академика П.С. Палласа за 1773 г. отмечено, что укрепления Чаусского острога сгнили и разрушились, просуществовав не более 60 лет. Спустя 18 лет, в 1791 г., правителем Колыванской губернии Б. Меллером было сделано предписание о продаже пришедших в негодность двух башен с надолбами и рогатками Бердского острога. Однако желающих купить их не нашлось. Собравшиеся на сход крестьяне решили использовать деревянные конструкции острога на строительство кладбищенской ограды и часовни. При разборке оказалось, что бревна совершенно сгнили и в конечном итоге они пошли на дрова для местной Сретенской церкви.

Причинами недолговечности деревянных острогов в Новосибирском Приобье были не только климатические условия, но и использование при строительстве сырых, неосушенных и специально необработанных бревен. При археологических исследованиях Умревинского острога пока не удалось выявить обожженных или просмоленных в основании бревен частокола, что было необходимо для более длительной их сохранности.

Письменных свидетельств конца XVIII века о судьбе деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога пока не выявлено. Тем не менее, по материалам археологических раскопок юго-западной башни острога можно предположить, что его укрепления были разобраны или сожжены. Ров, примыкающий к юго-западной башне, был перекрыт обширным кострищем, возможно оставшимся после пожара. Для сибирских острогов такие случаи нередки. Например, деревянная башня Ляпинской крепости в Среднем Приобье была сожжена в 1927 г. местным крестьянином, поскольку развалины, находясь на сенокосных угодьях, ему мешали. Для территории Умревинского острога такой ход событий вполне вероятен. Вплоть до настоящего времени земли, где располагался Умревинский острог, интенсивно используются в хозяйственных целях под распашку, посадку картофеля и сенокосы. Одно из ближайших урочищ к Умревинскому острогу неслучайно до сих пор имеет название Сенной взвоз.

Влияние экологических изменений на остроги Новосибирского Приобья

Существенным фактором, повлиявшим на судьбу острогов Новосибирского Приобья XVIII века, стало изменение со временем экологической ситуации.

В начале столетия при строительстве Чаусского острога обская пойма находилась в засушливой стадии, в середине века пойма стала более увлажненной. Весной 1748 г. промыло луговину из р. Оби в р. Уень, и Дубровинская переправа старого Московского тракта была сильно повреждена. В челобитной крестьянина Саввы Руднева в судную избу Чаусского острога от 1764 г. говорилось: «Земля вся выпалалась, хлеб родится весьма скудный, а скотский выпас и сеной покос подтапливается вешним временем». К середине XIX столетия экологическая обстановка в обской пойме в окрестностях Чаусского острога стала еще хуже. В военно-статистическом обозрении Томской губернии за 1849 г. отмечалось, что это место, окруженное со всех сторон долиной реки Оби, заливается водой весной и летом до июля месяца. В связи с этим оно «бывает неприступно ни для проезжающих, ни для обозов» и требует переноса дороги на более возвышенное место.

Влияние административных реформ и Московского тракта на судьбу острогов

В начале 80-х годов XVIII в. при реформировании управления крестьянским населением Сибири вместо существовавших «станов» создавались волости. В связи с этим центр волостной администрации был перенесен из Умревинского острога в село Ояшинское. Окончательный удар по настоящему и будущему Умревинского острога нанес Сибирский тракт, ставший осью притяжения населения в большей степени, чем р. Обь. Сухопутную дорогу нельзя было проложить по низкому, часто затапливаемому на многих участках обскому берегу. Тракт проходил от с. Дубровино — места переправы через Обь — на несколько вёрст вглубь от правого берега реки. Далее дорога шла на северо-восток по высоким террасам подножия Сокурской возвышенности. Реку Умреву тракт пересекал существенно выше острога.

Начиная с этого времени, об Умревинском остроге складываются первые легенды. Одна из них рассказывает о варнаках-грабителях, выходивших на дорогу в месте раздвоения тракта и указывавших путникам неправильное направление. Путешественники ехали к р. Умреве, где их грабили и убивали. Люди терялись, «исчезали как в яме». Название реки в переводе с тюркского языка действительно означает «яма», «низина», ямистая местность. Определённым подтверждением легенды может быть

находка на территории Умревинского острога медной почтовой бирки с выбитым орлом и датой — 1774 г.

В дальнейшем, будто бы из-за жалоб на преступления, Екатерина II издала указ о переносе деревни на тракт. Возникшее Умревинское "поселье" (современная деревня Умрева) постепенно оттягивало к себе население от оставшегося в стороне острога. В конце XVIII в. здесь числилось немногим более 20 душ. К середине XIX в. число жителей Умревинской деревни не превышало полусотни человек. Потеря административного значения острогом хорошо отражена в сокращении численности прихода церкви Трех Святителей. Если в 1784 г. приход насчитывал 160 дворов и 1279 человек, то к 1791 г. в приходе числилось всего 98 дворов и 486 человек.

С переносом церкви в с. Ояш Умревинский острог фактически прекратил свое существование. Как отдельный населенный пункт он числился формально в разного рода перечнях селений в 50-е и даже в 80-е годы XIX в. Однако в это время в нем уже не значилось ни одного двора. Последний раз Умревинский острог был отмечен на карте профессора А.М. Зайцева во время изыскательских работ по прокладке Транссибирской магистрали в 1895 г.

Поиск места расположения Умревинского острога

К концу XX века место расположения Умревинского острога было основательно забыто. Безусловная заслуга точного определения места, где находилось это первое укрепление русских в Новосибирском Приобье, принадлежит С.В. Колонцову — главному археологу Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области. С конца 80-х годов XX столетия он начал поиски «исчезнувшего острога». Результат был получен далеко не сразу. Важную роль в выявлении места расположения Умревинского острога сыграло замечание старейшего новосибирского краеведа К.П. Зайцева. По его мнению, острог следовало искать в устье р. Умревы, а не рядом с одноименной деревней. Действительно, на левом берегу реки, недалеко от дома лесника, на ровном, как писали в начале XVIII века, «угожем месте», удалось обнаружить земляные оборонительные сооружения острога. Первый план был снят в 1992 г., а спустя еще десять лет, в 2002 г., планиграфия укреплений существенно уточнена в ходе современной тахеометрической съемки.

Первые археологические исследования, проведенные в 2000 г. канд. ист. наук, доцентом кафедры истории мировой культуры НГПУ А.В. Шаповаловым, позволили выявить северный край тына острога. Работы были продолжены в 2002 г. канд. ист. наук, ст. науч. сотр. ИАЭТ СО РАН, доцентом кафедры истории мировой культуры НГПУ А.П. Бородовским. В ходе исследований удалось обнаружить фундамент угловой юго-западной башни Умревинского острога.

Заключение

Русские остроги на территории Новосибирской области, просуществовав не более одного столетия, оставили заметный след в истории России и Сибири.

Умревинский острог был одним из первых пунктов Российской государственности, создавший предпосылки для освоения обширных территорий Верхней Оби. Чаусский и Бердский остроги, являясь транспортными узлами и центрами сибирского земледелия, стали в дальнейшем крупными населенными пунктами нашей области (рабочий поселок Кольвань, г. Бердск).

В XX столетии пришло время возрождения острогов. На территории Сибири существует практика реконструкции острогов XVIII века. Например, Казымский (Юильский) острог в окрестностях г. Новосибирска (Историко-архитектурный музей ИАЭТ СО РАН), острог в с. Шушенское в Красноярском крае, Илимский острог недалеко от г. Иркутска (Музей “Тальцы”). Подготовлен проект восстановления деревянной крепости в г. Томске. К 300-летию Умревинского острога (Мошковский район Новосибирской области) будут возведены острожные укрепления (тын и башня).

Археологические исследования русских острогов, восстановление оборонительных сооружений, создание историко-культурных, образовательных и туристических комплексов позволят реально осуществить связь прошлого и настоящего. Это является не только данью памяти нашим предкам, “собиравших земли Отечества”, но и лучшим средством сохранения историко-культурных традиций в современных условиях.

Словарь терминов

- Алтарь** – восточная часть церкви, отделенная иконостасом для совершения таинств
- Археология** — историческая наука, изучающая далекое прошлое по предметам материальной культуры
- Аршин** — старинная русская мера длины, в XVIII в. равная 71,12 см
- Атрибут** — необходимый и постоянный признак
- Батарея** — артиллерийское подразделение, позиция нескольких орудий
- Башня острожная** — отдельное возвышенное сооружение на крепостной стене
- Башня проезжая** — башня с въездными воротами
- Башня угловая** — башня, расположенная на углу укреплений, иногда называется «глухой»
- Бойница** — отверстие для стрельбы в стене оборонительного сооружения
- Бочка** — двускатная крыша с плавными криволинейными очертаниями, завершающаяся острым углом
- Брус** — обтесанное с двух сторон бревно
- Бруствер** — земляная насыпь с наружной стороны укреплений
- Бугровщики** — старатели XVII–XVIII вв., занимавшиеся поиском и разграблением древних курганов в Сибири
- Вал** — оборонительная насыпь вокруг укреплений
- Взвоз** — наклонный подъем
- Верста** — старинная мера длины, в XVIII в. равная 500 сажням (1066,8 м)
- Главка** — церковный купол в виде луковки с крестом
- Городки** — укрепленные поселения сибирских аборигенов
- Городни** — бревенчатые срубы, заполненные камнем или землей, составляющие крепостные стены
- Гривна (гривенка)** — старинная мера веса, в XVIII в. равная 409 г
- Домашнее божество** — семейные идолы, духи–покровители
- Десятина** — старая русская мера земельной площади, в XVIII веке равная 2400 кв. сажням или 1,09 гектара
- Детинец** — внутреннее укрепление древнерусского города, при сооружении которого часто устраивались закладные погребения младенцев
- Заплот** — забор из горизонтально уложенных бревен или тесин
- Заплотные прясла** — части стен заплота между стенами
- Захоронения закладные** — ритуальные погребения перед началом строительства
- Караульня** — специальное помещение для воинского караула
- Клетский храм** — церковь в виде крытого прямоугольного сруба
- Копна** — древнерусская единица площади, в XVII в. соответствовала 0,1 десятины или 1120 м²
- Куль**т — религиозное почитание чего-либо или кого-либо
- Культовый обряд** — религиозные действия и обряды для служения божееству
- Культурный слой** — слой земли со следами человеческой деятельности

Лемех — деревянная черепица с зубчатым краем, применявшаяся для покрытия церковных глав

Межа — граница

Миграция — переселение

Надолбы — ряд вкопанных в землю обрубков бревен, установленных в несколько рядов за острогом для защиты от конницы неприятеля

Напольная сторона — открытая территория, примыкающая к населенному пункту или укреплению

Облам — верхняя выступающая часть деревянной башни, основание которой (проем) приспособлено для обстрела противника сверху

Орчаки — тюркоязычная группа населения, проживавшая в Кулунде на рубеже XVII-XVIII вв.

Обло — способ соединения бревен в срубе, когда их концы выходят за пределы наружной стены

Острог — деревянное пограничное укрепление, обнесенное стеной из заостренных бревен

Пищали — старинная легкая пушка или тяжелое крепостное ружье (пищаль затинная)

Полубревна — круглое бревно, расколотое пополам

Помост — возвышение, пристроенное с внутренней стороны острожных стен для стрелков и орудий

Придел — пристройка к церкви со своим алтарем в честь какого-то святого

Проезжая башня — башня с въездными воротами

Ров — оборонительное углубление вокруг стен крепости, острога, кремля, форта

Рогатки — ряды крестообразно соединенных острых кольев вокруг укреплений, преграждающих путь неприятельской коннице

Сажень — старинная мера длины, равная в XVIII в. трем аршинам – 213,36 см

Сажень печатная — старинная русская мера длины, в XVII в. равная 216 см

Супесь — рыхлая почва, содержащая песок и глину (с преобладанием песка)

Таволган — название междуречья Ини и Берди на рубеже XVII–XVIII вв.

Тарасы — сплошная двухрядная рубленая крепостная стена, состоящая из срубов, пристроенных друг к другу

Трапезная — пристройка с западной стороны церкви, в которой проводили общественные собрания и ожидали церковную службу

Топонимика — изучение географических названий

Тын — стена из вкопанных в землю бревен, заостренных сверху

Фундамент ленточный — углубленное в землю основание стен и сооружений

Фунт — старинная русская мера веса, равная 409,5 г

Частокол — синоним слова «тын»

Четверик — часть здания, имеющая в плане квадратную форму

Четверть — старинная русская мера, равная для жидкости 3,07 л, для сыпучих продуктов – 209,9 л

Шатровая церковь — храм с высоким восьмигранным пирамидальным покрытием

Список рекомендуемой литературы

Зверев В.А., Зуев А.С., Кузнецова Ф.С. История Сибири. Ч. 2. Сибирь в составе Российской империи. Новосибирск, 2001. 370 с.

Зуев А.С. Сибирь: Вехи истории XVII–XIX вв. Новосибирск, 1999. 365 с.

История Новосибирской области с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1996. 174 с.

Крадин Н.П. Русское деревянное зодчество. М., 1988. 192 с.

Кузнецова Ф.С. История Сибири. Ч. 1. Присоединение в России. Новосибирск, 1997. 256 с.

Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. Новосибирск, 1990. 182 с.

Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. 304 с.

Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1. М., 1979. 234 с.

Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 1. М., 1985. 230 с.

Список использованной литературы

Алферова Г.Ф. Русские города XVI–XVII вв. М., 1989.

Артемьев А.Р. О некоторых особенностях строительства крепостей XVI–XVII вв. в Сибири и на Дальнем Востоке // Материалы по средневековой археологии Дальнего Востока и Забайкалья. Владивосток, 1990.

Артемьев А.Р. Останки не погребенных защитников Албазинского острога // Российская археология. 1996. № 1. С. 185–196.

Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. 188 с.

Аюшкин Н.Б. Артиллерия в борьбе за Албазинский острог // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVIII–XIX вв. Историко-археологические исследования. Т. 3. Владивосток, 1998. С. 107–114.

Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в 17 в. // Города Сибири. Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974. С. 7–37.

Башкатова З.В., Половинкин И.Ф. К истории рода Поломошных и их деятельности в Сибири // Историко-архитектурный музей под открытым небом. Принципы и методика организации. Новосибирск, 1980. С. 156.

Бородовский А.П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Новосибирск, 2002. 208 с. (Свод памятников истории и культуры народов России; Вып. 6).

Бородовский А.П. Археологические исследования Умревинского острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. С. 258–265.

Бородовский А.П. Отчет об археологических исследованиях Умревинского острога в Мошковском районе Новосибирской области в 2002 г. Архив НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области.

Бородовский А.П. Поиски серебряной руды в Сибири и освоение русскими территории Новосибирского Приобья на рубеже XVII–XVIII вв. (в печати).

Васильевский Р.С., Молодин В.И., Седякина Е.Ф. Исследования Илимского острога // Древние культуры Приангарья. Новосибирск, 1978. С. 215–232.

Градостроительство Московского государства. М., 1994. С. 30–35.

Громов Г.Г. Крестьянское жилище // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 1. М., 1985. С. 317–342.

Долгова С.Р., Резун Д.Я. Новое о Чаусском остроге // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 224–225.

Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1964.

Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск, 1974. 252 с.

Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. М., 1979. 193 с.

Исупов С.Ю. Пушки Бийской крепости // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 92.

Емельянов Н.Ф. Томские служилые люди «Литва» в XVII – первой четверти XVIII в. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1982. С. 34–42.

Крадин Н.П. Русское деревянное зодчество. М., 1988. 192 с.

Майничева А.Ю. Деревянные церкви Сибири XVII века. Формы, символы, образы. Новосибирск, 2000. 64 с.

Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 2002. 144 с.

Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. К. 1. СПб., 1750. С. 274.

Миненко Н.А. История Новосибирской области с древнейших времен до конца XIX века. Новосибирск, 1983. 79 с.

Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. Новосибирск, 1990. 182 с.

Миненко Н.А. Русские остроги и форпосты на территории Новосибирского Приобья и Барабы // Памятники Новосибирской области. Памятники археологии. Памятники истории. Памятники архитектуры. Новосибирск, 1989. С. 80–91.

Молодин В.И. Археологическая разведка по реке Казым // Историко-архитектурный музей под открытым небом. Принципы и методика организации. Новосибирск, 1980. С. 136–140.

Молодин В.И. Некрополь Илимского острога: палеодемографические реконструкции // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1999. С. 113–120.

Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Кольванского района Новосибирской области. Новосибирск, 1996. 192 с. (Свод памятников истории и культуры народов России; Вып. 2).

Молодин В.И., Добжанский В.Н. Археологическое исследование Казымского острога // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 191–202.

Молодин В.И., Новиков А.В. Перспективы археологического изучения памятников русского освоения Сибири // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVIII–XIX вв. Историко-археологические исследования. Т. 1. Владивосток, 1992. С. 30–38.

Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1. М., 1979. С. 277.

Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 1. М., 1985. С. 319–327.

Павленко Н.Г. Русская артиллерия (1389–1812 гг.). М., 1940. 139 с.

Правоторова А.А., Гусаченко В.Л. Город и наследие. Новосибирск, 2002. 252 с.

Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. 304 с.

Скобелев С.Г. Саянский острог – памятник русской эпохи в истории Евразии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Новосибирск, 1999. С. 185–207.

Сметанин Е.Н. Бердск (краткий исторический очерк). Новосибирск, 1983. 40 с.

Станюкович А.К. Археологические комплексы лагеря экспедиции Беринга на правом берегу р. Командор // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVIII–XIX вв. Историко-археологические исследования. Т. 3. Владивосток, 1998. С. 115–128.

Толмачев Е. П. Исторические портреты // Сборник русского исторического общества. Т. 1 (149). М., 1999. С. 232.

Шаповалов А.В. Пограничные крепости Южной Сибири XVIII в.: особенности архитектуры // Куйбышев (Каинск): Исторический опыт социально-экономического и культурного развития. Куйбышев, 1997. С. 12–15.

Шаповалов А.В. Отчет об археологических исследованиях Умревинского острога в Мошковском районе Новосибирской области в 2000 г. Архив НИЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области.

Шостьин Н.А. Очерки истории русской метрологии. М., 1975. 272 с.

Черная М.П. Нарымский острог // Земля Парабельская. Томск, 1996. С. 94–116.

Черная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII вв. Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск, 2002. 186 с.

Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. 295 с.

Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. Барнаул, 1995. Ч. 2. 222 с.

Уманский А.П. Чертежи томского и кузнецкого уездов С.У. Ремезова как источник по истории Верхнего Приобья // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 100–104.

Янин Е.П. Юрий Крижанич и его учение о природопользовании и развитии горного дела в России. М., 2002. 80 с.

Научно-справочное издание

**РУССКИЕ ОСТРОГИ XVIII ВЕКА
НА ТЕРРИТОРИИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ**

Составители

*Бородовский Андрей Павлович
Бородовская Елена Леонидовна*

Редактор *П.В. Грес*

Компьютерная верстка *П.В. Грес*

Художник *А.П. Бородовский*

Подписано в печать с оригинал-макета 28.03.2003. Формат 60×84/8
Уч.-изд. л. 5,35. Усл. печ. л. 5,25+2,25 вкл. Тираж 1000 экз. Заказ № 1070

Издание подготовлено к печати
в НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области
630099 Новосибирск, ул. Ленина, 1

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 071417 от 3 апреля 1997 г.

Отпечатано в издательстве
Сибирского государственного университета путей сообщения (НИИЖТа)
630049 Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, 191